

ЗОЛОТОЙ СЫН

ПИРС БРАУН

Безупречный дебют в духе «Голодных игр» Сьюзен Коллинз
и «Игры Эндера» Орсона Скотта Карда!

Сага об Алом восстании переведена на 34 языка и издана в 36 странах!
Только в США продано свыше 2000 000 экземпляров книг саги!

5-я волна

Пирс Браун
Золотой Сын

«Азбука-Аттикус»

2015

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-445

Браун П.

Золотой Сын / П. Браун — «Азбука-Аттикус», 2015 — (5-я волна)

ISBN 978-5-389-11280-3

Подобно горным гномам из легенд, в недрах веками трудится народ, называющий себя кастой алых. Ценой невероятных лишений он добывает гелий-3, надеясь накопить его достаточно, чтобы однажды покинуть марсианские норы, окружить планету оболочкой из воздуха и воды, создать на поверхности условия для человеческого существования. И вдруг выясняется, что Марс уже терраформирован, это сделала каста золотых тайком от добытчиков гелия, причем себя золотые считают господами, алым же отвели роль рабов. Чтобы вызволить угнетенный народ и добиться справедливости, организация Сынов Ареса отправляет наверх молодого шахтера Дэрроу, модифицировав его до такой степени, что по внешним признакам он неотличим от своих элитарных сверстников. Удача сопутствует заговорщикам, еще немного, и можно будет нанести правящей верхушке смертельный удар... Но в шаге от победы Дэрроу совершает роковую ошибку.

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-445

ISBN 978-5-389-11280-3

© Браун П., 2015
© Азбука-Аттикус, 2015

Содержание

Часть I	9
1	9
2	13
3	19
4	24
5	31
6	34
7	40
8	46
9	51
10	61
11	67
Часть II	75
12	75
Конец ознакомительного фрагмента.	77

Пирс Браун Золотой Сын

Моей матери, которая научила меня говорить

Pierce Brown
GOLDEN SON
Copyright © 2015 by Pierce Brown
Map copyright © by Joel Daniel Phillip

© Н. Пресс, перевод, 2016
© Издание на русском языке. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2016
Издательство АЗБУКА®

* * *

Детство Пирса Брауна проходило в шести лесистых штатах и в двух пустынных; там и там он возводил крепости и подстраивал ловушки сверстникам. Закончив в 2010-м колледж, Пирс увлекся идеей продолжить обучение в «Хогвартсе», знаменитой школе волшебников. К сожалению, у него не обнаружилось серьезного магического таланта. Зато обнаружился талант литературный, и пока молодой писатель его взращивал и совершенствовал, ему довелось потрудиться стартап-менеджером в Интернете, работником на подхвате в студии Уолта Диснея, пройти стажировку в телевизионной сети NBC и выдержать бессонные ночи в роли помощника претендента на сенатское кресло. Сейчас он живет в Лос-Анджелесе и пишет книги о космических кораблях, колдунах и нечистой силе и о многом другом – таинственном, загадочном, волнующем воображение.

История мести, войны и погони за властью... Напоминает «Голодные игры» и «Игру престолов».

Kirkus Reviews

И автор, и главный герой стремительно поднимают эмоциональные ставки.

Entertainment Weekly

Идеально подходящий для Голливуда роман, богатый волнующими приключениями.

Publisher's Weekly

У Брауна многослойные, неприглаженные характеры, а сюжеты такие, что дух захватывает.

National Public Radio

Великолепное продолжение, из тех редких романов, которые превосходят своих предшественников по всем воображимым статьям. «Золотой Сын» просто ошеломляет!

Tor.com

* * *

Золотые

жестокие, изощренные вожди человечества

Серебряные

изобретатели, финансисты, бизнесмены

Белые

жрецы и жрицы, контролируют ритуальные функции общества

Медные

администраторы и юристы

Синие

пилоты и астронавигаторы, с рождения учатся управлять космическими кораблями

Желтые

знатоки гуманитарных и естественных наук. Врачи, психологи и т. п.

Зеленые

программисты и разработчики технологий

Фиолетовые

творческий класс: актеры, музыканты, шоумены

Оранжевые

техническое обслуживание космических кораблей и прочие ремонтные работы

Серые

армия и полиция

Бурые

слуги, чернорабочие и т. п.

Обсидиановые

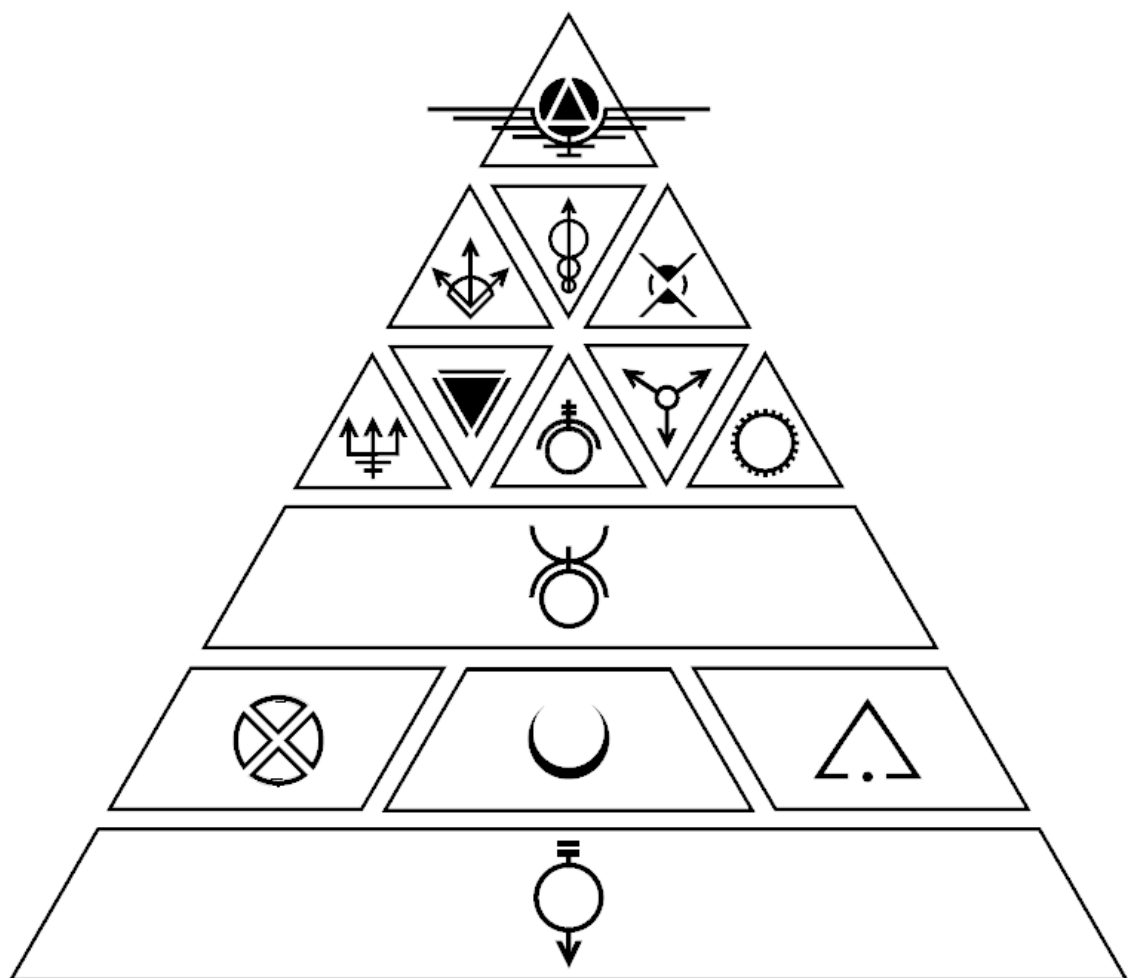
раса чудовищ, выведенная специально для войны

Розовые

прекрасные создания, выращенные и обученные для постельных утех

Алые

низкоквалифицированный персонал, предназначенный для работы в тяжелых условиях

Когда часть населения Земли отважилась переселиться на Марс, колонисты создали там трудовую иерархию. Со временем она была усовершенствована путем генетических и хирургических манипуляций над людьми. Результатом стала социальная структура с цветной маркировкой функциональных уровней, эффективная машина, управляемая высшей кастой – золотыми.

Однажды он спустился с небес и убил мою жену. Теперь я иду с ним рядом по горе, которая парит высоко над нашим миром. На белокаменные зубцы крепостных стен и поблескивающие стекла замка Олимпа падает снег.

Вокруг нас царит хаос, порожденный алчностью. Величайшие из ауреев Марса прибыли в Академию, чтобы заполучить в свое распоряжение лучших курсантов нашего набора. Утреннее небо заполнили марсианские корабли, омрачившие своим появлением этот сияющий белизной снежный мир. Кругом еще дымятся башни Олимпа, которые моя армия штурмовала всего несколько часов назад.

– Взгляни на эти места в последний раз, мальчик, – говорит он, когда мы подходим к челноку. – Все, что здесь с тобой случилось, лишь жалкое подобие реального мира. Спустившись с этой горы, ты разорвешь все связи, все твои клятвы обратятся в ничто. Ты к этому не готов – такое никому не по силам.

В толпе я замечаю Кассия. Он идет к ожидающему челноку вместе с отцом и братьями. Вся компания смотрит на нас побелевшими от ярости глазами, и у меня в ушах гулким эхом отдается последний удар сердца его брата. Костлявые пальцы грубо сжимают мое плечо, словно напоминая окружающим о том, кому я теперь принадлежу.

Августус пристально смотрит на своих врагов.

– От семьи Беллона не следует ожидать ни прощения, ни забвения. Их много, но они не смогут причинить тебе вред, – произносит он, холодно глядя на меня, свое новое приобретение, – ибо ты, Дэрроу, теперь мой, а я хорошо охраняю то, чем владею по праву.

Уж мне ли не знать. В этом мы с Августусом похожи.

Целых семь столетий мой народ пребывал в рабстве, не имея ни голоса, ни надежды.

Так что давай, хозяин, веди меня на свой челнок, как будто я – твоя очередная игрушка! Впусти меня в свой дом, и я сожгу его дотла, не успеешь и глазом моргнуть!

Но тут дочь лорда-губернатора берет меня за руку, и муки совести начинают терзать меня. Говорят, что царство, которое раздирают междоусобицы, обречено на падение. А что же будет с душой, если она рвется пополам? Об этом все почему-то молчат...

Часть I Унижение

Hic sunt leones (лат. «Здесь обитают львы»)
Нерон Августус

1 Полководцы

Стою на мостике звездного корабля в оглушительной тишине. Сломанная рука в гипсовом гипсе, раны от ионных излучателей все еще жгут огнем затылок. Устал охрененно. Лезвие-хлыст холодной металлической змеей обвивает правую руку – она, к счастью, не пострадала. Смотрю на бескрайнее, ужасающее своими размерами пространство. Темноту озаряют короткие вспышки пролетающих мимо звезд, я замечаю их лишь боковым зрением. Мой военный корабль под названием «Рука смерти» плывет среди астероидов, а я пристально вглядываюсь в темноту в поисках добычи.

– Принеси мне победу, – сказал мне хозяин, – принеси мне победу, на которую не способны мои дети! Тебе суждено покрыть славой имя Августусов! Победи в Академии, и в твоём распоряжении окажется боевой флот!

Любит он театральщину, вот и повторяет по сто раз одно и то же, как и все политики.

Он думает, что я буду стараться для него, но на самом деле я сделаю это ради девушки из алых, которая умела мечтать, мечтать по-настоящему! Я одержу победу, и он умрет, а ее мечта пронесется через столетия. Вот и все, делов-то.

Мне двадцать. Высокий, широкоплечий. В помятой черной форме. Волосы длинные, глаза золотые, правда покрасневшие от усталости. Виргиния Мустанг как-то сказала, что черты у меня угловатые, как будто скулы и нос высечены из мрамора яростным резцом. Сам я в зеркало смотреться не любитель. Пытаюсь забыть о маске, навечно заменившей мне лицо, маске, которую украшает зигзагообразный шрам золотых – повелителей Вселенной от Меркурия до Плутона. Я аурей, принадлежу к самой жестокой части человечества, обладающей наивысшим интеллектом. Однако скучаю по добрейшей представительнице этой расы, той девушке, что просила меня не оставлять ее, когда я прощался с ней и Марсом на балконе почти что год назад. Мустанг... На память я подарил ей золотое кольцо, украшенное фигуркой коня, а она вручила мне лезвие-хлыст. Очень символично...

Время стирает все, и я уже начал забывать соленый вкус ее слез. С тех пор как я покинул Марс, от нее нет ни весточки. Это бы еще полбеды, но и Сыны Ареса молчат после моей победы в Академии Марса более двух лет назад. Танцор обещал выйти на связь, как только я закончу обучение, а сам бросил меня дрейфовать в одиночку в океане золотых лиц.

Совсем не так я представлял себе свое будущее в детстве. Совсем не такого будущего я хотел для своего народа, когда позволил Сынам Ареса отдать меня в руки ваятеля. Как и все безмозглые юнцы, я думал, что смогу изменить мир. И что теперь? Меня поглотила гигантская государственная машина, шестеренки которой вращаются независимо от моей воли, неумолимо двигая империю вперед.

В училище нас учили выживать и побеждать. В Академии преподают военное искусство, проверяют наше умение маневрировать. Я возглавляю армаду военных кораблей и сражаюсь с другими золотыми. Стреляем холостыми, устраиваем рейды, имитируя звездные битвы. Понятно, что никто не даст в учебных целях угробить корабль, стоимость которого равна годо-

вому доходу двадцати городов, если можно заслать туда личер, набитый черными, золотыми и серыми, отключить систему энергоснабжения корабля и получить его под свое командование.

На уроках тактики звездных битв наши учителя не забывают вбивать нам в голову основные принципы расы: выживает сильнейший, правит мудрейший. А потом они уезжают, и тут уже нам приходится справляться самим, прыгать с астероида на астероид, искать источники снабжения, базы, охотиться на сокурсников, и все это будет продолжаться до тех пор, пока в строю не останется всего две эскадры.

В общем, как играл в игры, так и играю. Но эта будет поопаснее предыдущих.

– Ловушка, – произносит Рок.

Волосы отрастил, как и я, но у него еще и черты лица мягкие, женственные, а взгляд безмятежный, будто у философа. Искусство убийства в космосе выглядит совсем не так, как на земле, и Рок в этом деле – просто гений. Говорит, что космос настраивает его на лирический лад. Видит поэзию в движении небесных тел и лавирующих между ними кораблей. Лицом он напоминает синих, из которых комплектуются экипажи космических кораблей, – это легкие как воздух мужчины и женщины, они скользят по металлическим коридорам, словно призраки, и соблюдают строжайший порядок и дисциплину.

– Но Карнус мог бы придумать ловушку и поинтереснее, – продолжает Рок. – Наш соперник знает, что нам не терпится закончить игру, поэтому будет поджидать нас с другой стороны. Хочет вывести нашу эскадру на геостратегическую точку, а потом пальнет по нам из всех орудий. Проверенная уловка, старо как мир!

Изящным движением руки Рок показывает на пространство между двумя огромными астероидами – узкий коридор, по которому нам предстоит пройти, если мы хотим добить Карнуса.

– Да тут все одна сплошная ловушка, – зевает Тактус Рат.

Мускулистый и высокомерный, он стоит рядом с иллюминатором. Втягивает носом порошок из перстня на пальце и небрежно бросает на пол израсходованную гильзу.

– Карнус знает, что у него нет шансов. Просто хочет немного помучить напоследок. Устроить потеху, чтоб мы сильно не расслаблялись. Вот ведь самовлюбленный тип!

– Наш эльфик снова что-то тявкнул? – косится на него Виктра Юлия, стоящая у противоположного иллюминатора. – Хватит уже скулить!

Неровно подстриженные волосы открывают уши с нефритовыми сережками. Пылкая и жестокая, хотя того и другого в меру, она презирует косметику, предпочитая демонстрировать многочисленные шрамы, которые успела заработать к своим двадцати семи годам. Смотрит на меня тяжелым взглядом глубоко посаженных глаз. Чувственные губы приоткрыты, Виктра Юлия за словом в карман не полезет. Она похожа на свою знаменитую мать куда больше, чем младшая сестра, Антония, ну а по страсти к кровавым боям даст фору обеим.

– Ловушка, и что с того?! – восклицает она. – Мы разбили его эскадру наголову! Один всего корабль остался, а у нас целых семь! Давайте просто надерем ему задницу!

– Не у нас, а у Дэрроу, – напоминает ей Рок.

– Прошу прощения? – поворачивается к нему Виктра, возмущенная тем, что он осмелился поправить ее.

– Целых семь кораблей осталось у Дэрроу. Ты сказала «у нас». Это не наши корабли. Корабли принадлежат примасу. Примас – Дэрроу.

– Ах, простите! Наш поэт оскорблен в лучших чувствах! Но сути дела это не меняет, патриций!

– Опрометчивость превыше предусмотрительности? – гнет свою линию Рок.

– Семь превыше одного! Неужели мы будем трусливо прятаться и бесконечно тянуть волынку?! Давайте раздавим этого громилу Беллона, как таракана, наступим на него огром-

ным сапогом, вернемся на базу, получим заслуженную награду от старика Августуса и пойдем играть дальше! – восклицает она, для пущей убедительности пристукивая каблуком.

– Вот-вот, – согласно кивает Тактус. – Полцарства за грамм дьявольской пыли!

– Сколько раз сегодня уже нюхал, Тактус? Пять? – спросил Рок.

– Да у тебя глаз алмаз, мамочка! Вся эта военщина мне изрядно поднадоела, хорошо бы сейчас махнуть по клубам и обзавестись приличным запасом порошка высшего качества!

– Ты так долго не протянешь.

– Живи быстро и умри молодым! – хлопает себя по бедру Тактус. – Твое лицо будет напоминать сморщенный изюм, а я останусь великолепным воспоминанием о лучших временах и веселых днях!

– Однажды, мой неумный друг, – качает головой Рок, – ты полюбишь женщину и посмеешься над тем, каким был идиотом. У вас будут дети, дом, и вот тогда ты поймешь, что есть вещи поважнее наркотиков и забав с розовыми.

– Упаси меня Юпитер от такой жалкой судьбы!

Тактус с неподдельным ужасом смотрит на поэта, а я гляжу в тактический монитор, не обращая внимания на их болтовню.

Карнус Беллона. Добыча, за которой мы охотимся. Старший брат Кассия Беллона, который когда-то был моим другом, и Джулиана Беллона – мальчика, которого я убил на Пробе. Среди кудрявых отпрысков этой семьи любимчиком отца всегда слыл Кассий. Джулиан был просто добрая душа. А что же Карнус? Карнус – чудовище, они держат его в подвале и выпускают порезвиться, когда надо кого-нибудь хлопнуть, сломанная рука не даст мне соврать.

После окончания училища я стал знаменитостью. Как только сплетники-фиолетовые узнали о том, что лорд-губернатор наконец направляет меня продолжать обучение, мать Кассия тут же снарядила в путь Карнуса Беллона и нескольких двоюродных братьев – «поучиться». Эта семейка жаждет заполучить мое сердце на золотом блюде, без шуток. Если бы не покровительство Августуса, меня бы уже давно не было в живых.

На самом деле мне глубоко насрать на их вендетту да и на кровную вражду моего хозяина с этой семейкой. Мне нужен флот, чтобы он послужил Сынам Ареса! Вот тогда мы поохочем! Я составил подробное описание линий снабжения, сенсорных станций, боевых подразделений, информационных узлов – всех уязвимых точек Сообщества.

Ко мне подходит Рок, видит мечтательное выражение на моем лице и тихо произносит:

– Дэрроу, умири свою гордыню. Не забывай Пакса. Гордость убивает.

– Я знаю, что это ловушка, Рок, и мне это на руку. Пусть Карнус попробует сразиться с нами в открытую.

– Ты тоже приготовил для него западню...

– С чего ты взял?

– Мог бы нас предупредить.

– Сегодня Карнусу придет конец, брат. Остальное не важно.

– Разумеется. Я просто хотел помочь, ты же знаешь.

– Знаю, – отзываюсь я, с трудом подавляя зевоту.

Окидываю взглядом нижние уровни корабля. Там работают синие всех оттенков, они занимаются системами энергообеспечения и управления. Синие говорят медленнее всех остальных цветов, за исключением разве что черных, предпочитают цифровые технологии. Все они старше меня, выпускники Полночной школы. За ними, в дальней части мостика, стоят на часах серые морпехи и несколько черных.

– Пора! – говорю я, хлопая Рока по плечу, и смотрю вниз, на синих. – Внимание, команда! Сегодня мы забьем последний гвоздь в крышку гроба Беллона! Мы рассеем прах этого ублюдка по космосу, а за это обещаю вам самый драгоценный подарок, какой только может быть, – неделю беспробудного сна! По рукам?

Серые в дальнем углу мостика смеются, а синие просто стучат костяшками пальцев по инструментам. Отдал бы половину из неслабой суммы на банковском счете, который завел для меня лорд-губернатор, лишь бы увидеть, как эти бледные тупицы улыбаются!

– Довольно разговоров! – продолжаю я. – Стрелки, по местам! Рок, концентрируй аннигиляторы! Виктра, наведение на цель! Тактус, прорыв обороны! Давайте уже разберемся с ним, и дело с концом!

Нахожу взглядом задохлика-рулевого. Он стоит в центре кабины под командным мостиком среди пятидесяти других синих. Из лысых голов вытягиваются извивающиеся цифровые щупы, руки, тонкие, будто паучьи лапки, переливаются разными оттенками лазурного и серебристого, и они начинают синхронизацию с борткомпьютерами. В глазах появляется отсутствующее выражение, оптические нервы обращены вглубь цифровой реальности. Говорят они исключительно для нас, чтобы соблюсти субординацию.

– Рулевой, двигатели на шестьдесят процентов!

– Слушаюсь, господин! – тут же отзывается он механическим голосом, глядя на сферическую голограмму тактического экрана. – Концентрация металлов в теле астероидов затрудняет доступ к спектральному анализу. Идем вслепую. С другой стороны астероидов нас может поджидать вражеская эскадра.

– Нету у него никакой эскадры! Начинаем! – командую я и киваю Року. – *Hic sunt leones!* – произношу я девиз нашего повелителя, Нерона Августуса Тринадцатого, лорда-губернатора Марса, и мои полководцы повторяют за мной.

Здесь обитают львы.

2

Промах

На тактической панораме видно, как вокруг моего флагманского корабля снуют шесть истребителей. Синие хранят зловещее молчание, уже переключились в режим войны. На том уровне, где сейчас пребывает их сознание, обычные слова движутся со скоростью дрейфующего айсберга. Командиры мониторят эскадру. Остальное время они проводят на своих личных истребителях или руководят работой экипажа, но теперь настал наш звездный час, и я хочу разделить его с ними. Однако, даже стоя рядом с синими, я ощущаю, что между нами пропасть. Мы живем в разных мирах.

– Наводим торпеды, – сообщает командир синих.

На мостике все спокойно. Никаких мигающих огней, никаких сирен, никаких криков. Мертвая тишина. Синие – холодный народ, с рождения их отдают в коммунальные секты, где обучают логике и управлению функциями их цвета со сдержанной эффективностью. Говорят, они больше похожи на компьютеры, чем на живых людей.

Темнота за иллюминаторами превращается в плотную пелену микровзрывов. Наши орудия накрывает мутное белесое облако. Защитное поле уничтожает вражеские торпеды. Прорывает оборону лишь одна, но к ней тут же устремляется истребитель из дальнего звена и разносит ее симуляцией ядерного взрыва. Будь это боевой снаряд, команда просто оказалась бы в открытом космосе – утечка газа, пробоины в металлическом корпусе. Распространяющееся со скоростью света пламя вырывается толчками из иллюминаторов корабля, словно кровь из подбитого гарпуном кита, а потом – вспышка и чернота. Но это военная симуляция, настоящих зарядов нам не дают. Здесь есть только одно смертоносное оружие – ученики Академии.

Уничтожен еще один корабль, но тут залпы рельсотрона противников пробивают наше защитное поле.

– Дэрроу... – встревоженно глядит на меня Виктра, а я с отсутствующим видом поглаживаю палец, на котором когда-то носил кольцо Эо. – Дэрроу, он нас рвет на части, если ты заметил!

– Дамочка права, Жнец, – поддерживает ее Тактус, на лице его пляшут голубые отсветы тактического монитора. – Что бы ты там ни задумал, сейчас самое время!

– Командиры, послать эскадры Рипперов и Талонов на противника!

На тактическом дисплее видно, что эскадры, которые по моему приказу передислоцировались за полчаса до того, как началась заваруха, материализуются с обеих сторон астероидов и заходят на Карнуса с флангов. С такого расстояния невооруженным глазом их не разглядишь, но на дисплее уже пульсируют золотистые точки.

– Друг мой, прими мои поздравления! – шепчет Рок, хотя дело еще не сделано. В голосе звучит неподдельное уважение, беспокойство растаяло без следа. – Теперь все изменится. Все изменится, – повторяет он, касаясь моего плеча.

Наблюдаю за тем, как ловушка захлопывается, предвкушаю скорую победу и чувствую, как меня покидает напряжение. Серые на мостике подходят поближе. Даже черные не сводят глаз с мониторов. Корабль Карнуса наконец засекает присутствие моих эскадр. Пытается скрыться, избежать неизбежного, запускает двигатели на полную катушку, но пространства для маневра слишком мало. Эскадры открывают огонь за доли секунды до того, как Карнус успевает включить защитное поле или навести орудия. Тридцать симуляций ядерных взрывов превращают его корабль в груды металлолома. На этом этапе игры пленные нам не нужны, поэтому синим артиллеристам разрешается вдоволь пошалить.

Вот я и победил. Делов-то!

Тишина на мостике нарушается радостными криками серых и оранжевых техников. Синие отчаянно молотят костяшками пальцев по инструментам. Черные молчат, они в технике ни черта не смыслят. Моя личная ассистентка Теодора стоит на станции для прислуги и улыбается служанкам помоложе. Бывшая розовая куртизанка уже давно вышла в тираж, зато успела узнать много полезных секретов, так что она – незаменимый советник по светским делам.

Победные кадры транслируются на экраны по всему кораблю, от двигательного отсека до кухни. Победа принадлежит не только мне. Каждый мужчина, каждая женщина по-своему разделяет ее со мной – таков принцип существования Сообщества. Если верхи процветают, то и низам хорошо. Августус – мой повелитель, а низшие цвета прислуживают мне. Так взращивается естественная преданность всех цветов золотым, насильно такую систему не создашь.

Пробил мой звездный час, а значит, те, кто находится на борту моего корабля, вознесутся вместе со мной.

В этом мире ценятся власть и перспективы. Еще совсем недавно лорд-губернатор объявил, что оплатит мою учебу в Академии, и все каналы вещания пустились обсуждать его решение. Поставить на юнца, да еще столь низкого происхождения? Разве такие становятся победителями? Вы вспомните, что он натворил, когда проходил подготовку в училище! Нарушил правила игры! Бросил вызов кураторам, одного из них убил, остальных посадил на цепь, как несмышленных щенков! Или же это звезда-однодневка? Ну вот, теперь эти болтливые ублюдки получают ответы на все свои вопросы!

– Рулевой, курс на Академию! Пора собирать лавры! – провозглашаю я под одобрительные возгласы команды.

Лавры... слово из прошлого кажется мне горьким на вкус. Улыбаюсь, но радости от победы не ощущаю, только зловещее удовлетворение.

Еще один шаг, Эо. Еще один шаг к нашей цели.

– Претор Дэрроу Андромедус! А что, звучит неплохо! – шутит Тактус. – Беллона обосрались по полной! Как думаешь, мне дадут свой флот или присоединят его к твоему? Кто их знает... Чертовы бюрократишки, как же они утомляют! Для медных слишком высоки, для золотых – низковаты! Мои братья, конечно, закатят вечеринку, – подмигивает мне он, – а на вечеринке у братьев Рат даже ты не устоишь перед соблазном.

– Да, он твоим друзьям не чета, – пожимает мне руку Виктра и смотрит мне в глаза таким взглядом, как будто мы не на командном мостике, а в ее спальне. – Как ни прискорбно, вынуждена признать, что Антония оказалась права насчет твоих способностей.

Рок морщится. Я вспоминаю звук, с которым Антония перерезала горло Лии, пытаюсь выманить меня из убежища, когда мы воевали под Олимпом. Тогда я остался в тени и услышал, как наша маленькая подружка, обливаясь кровью, упала на поросшую мхом землю. Рок, тот вообще был в нее влюблен.

– По-моему, мы договорились не произносить имя твоей сестры в нашем присутствии, – резко перебиваю я Виктру, и она обиженно отворачивается. – Будучи претором, – обращаюсь я к Року, – я имею право набирать команду по своему усмотрению. Пора вернуть кое-кого из старичков. Севро сейчас на Плутоне, упырей отправили черт знает куда, Куинн на Ганимеде. Что думаешь?

При упоминании Куинн Рок заливается румянцем.

Мне-то больше всего нужен Севро. Поддерживать контакт по видеосети у нас не очень получается, особенно у меня, потому что с тех пор, как началось обучение в Академии, в сети я не был ни разу. А Севро в своем духе – от него хрен дождешься чего-нибудь, кроме фото единорогов-мутантов или видео, где Гоблин травит анекдоты. Попав на Плутон, он стал еще более странным, если такое вообще возможно.

– Господин, – окликает меня синий рулевой, показывая на монитор.

– Что такое? – спрашиваю я, и его взгляд затуманивается, становится рассеянным – увидев данные на мониторе, рулевой подключается к внешним датчикам корабля.

– Пока неясно, господин. Датчики засекли активность неизвестного происхождения.

На большом мониторе в центре голубым цветом обозначены астероиды, мы – золотым, враги – красным. Они должны быть уничтожены все до единого, однако на мониторе пульсирует одинокая красная точка. Рок и Виктра подходят ближе. Рок делает едва уловимое движение рукой, и данные копируются на его планшет. В воздухе перед ним возникает небольшой шар-голограмма. Рок увеличивает изображение и прогоняет его через аналитические фильтры.

– Радиация? – встревоженно предполагает Виктра. – Обломки кораблей? Залежи руды на астероиде могут вызывать зеркальную рефракцию сигнала!

– Программное обеспечение исключено, его уже просто нет, – отмечает ее версии Рок.

Мерцающая красная точка исчезает, но команда напряженно смотрит на монитор – ничего! Здесь нет ничего и никого, кроме моих кораблей и поверженного флагмана Карнуса. Пойдите, а вдруг...

– Скорее отсюда! – дрожащим голосом произносит Рок, глядя на меня полными ужаса глазами, и показывает на возникшую из ниоткуда красную точку.

– Двигатели на полную! – ору я. – Плюс тридцать градусов от центральной!

– Оставшимися торпедами по астероиду – огонь! – командует Тактус.

Слишком поздно.

Виктра ахает, и тут я наконец вижу собственными глазами то, что не распознали наши приборы. Из дыры в астероиде взлетает истребитель-невидимка. Я думал, что мы сбили его еще три дня назад, но нет, сидел там в засаде с выключенным двигателем. Передняя часть вся почернела и раздолбана нашими торпедами. Истребитель включает двигатели на полную и разворачивается, беря курс прямо на мой корабль.

Пойдет на таран.

– Надеть эвакуационные костюмы и активировать капсулы! – громко приказываю я и со всех ног бросаюсь к боковой стене мостика со встроенной эвакуационной капсулой для командного состава.

Произношу ключевое слово, капсула активируется. Тактус, Рок и Виктра влетают внутрь, я же остаюсь снаружи, кричу на синих, чтобы те поскорее отключились от системы, иначе они могут погибнуть вместе с кораблем – так уж этот цвет устроен.

Ношусь по мостику, рявкаю на них, приказываю активировать эвакуационные порталы. Рулевой подчиняется, нажимает нужную кнопку, и в полу открывается люк. Один за другим синие рассинхронизируются и прыгают в гравитационную трубу, ведущую к эвакуационным капсулам их цвета.

– Теодора! – кричу я, увидев, как моя ассистентка пытается оторвать от операционного монитора молодого синего, который в панике вцепился в экран. – В капсулу, черт тебя побери!

Она меня не слушает. Синий не желает расставаться с монитором. Делаю шаг в их сторону, и тут датчики корабля взывают в последний раз.

Время останавливается.

Огни мостика горят красным.

Я прыгаю к Теодоре и хватаю ее.

Истребитель врзается ровно в центр моего флагмана.

Прижимаю к груди Теодору, и тут меня откидывает метров на тридцать и шарахает о металлическую стену. Ослепляющая боль разрывает левую руку в том месте, где только начал срастаться перелом. Я ничего не вижу. Потом в темноте танцуют огоньки, сначала они похожи на звезды, затем на кружащиеся на ветру песчинки.

Красный свет просачивается сквозь плотно сомкнутые веки. Чья-то рука тихонько тянет меня за одежду.

Открываю глаза. В стене огромная вмятина, корабль сотрясается, стонет, словно древнее, испускающее дух чудовище. Электроколонна, у подножия которой я лежу, дрожит и бьется о мой живот. Истребитель проносится мимо, проходя ровно через центр нашего корабля, как будто с холодной методичностью испаривает кому-то живот.

Кто-то зовет меня по имени, но звук постепенно стихает.

Все датчики на мостике пылают разными оттенками кроваво-красного. Воют сирены систем безопасности. Худые старые руки Теодоры цепляются за меня, она напоминает птичку, пытающуюся поднять в воздух упавшую статую. Кровь заливает мой лоб. Нос сломан. Вытерев глаза, я перекатываюсь на спину. Рядом со мной светится покореженный монитор, заляпанный кровью. Вот этим меня приложило? Перевожу взгляд на Теодору. Она сумела вытащить меня из-под монитора, но она такая маленькая...

– Вставайте, господин, вставайте, если вам дорога жизнь. – Старуха гладит меня по лицу дрожащими от страха руками. – Пожалуйста, вставайте!

Со стоном заставляю себя подняться. Эвакуационной капсулы командного состава уже и след простыл, – наверное, во время столкновения сработала система автозапуска. А может быть, они просто бросили меня. Эвакуационная капсула синих тоже катапультировалась. От того синего, которого пыталась спасти Теодора, осталось лишь пятно на балке, а она все смотрит и смотрит туда остекленевшими от слез глазами, не в силах отвести взгляд.

– На моей половине есть еще одна капсула, – бормочу я и только теперь понимаю, что Теодора плачет не от ужаса, а от боли.

Ей раздробило ногу, конечность безжизненно висит, словно кусок намокшего, потрескавшегося мела. Розовые не созданы для таких страданий.

– Мне все равно умирать, господин, спасайтесь, скорее!

Опустившись на одно колено, я взваливаю Теодору на плечо. Старушка издает душераздирающий стон, когда искалеченная нога повисает в воздухе. Чувствую плечом, как стучат ее зубы. А потом бросаюсь вперед. Бегу через полуразрушенный мостик в сторону кровоточащей раны, которая убивает мой корабль, несусь по коридорам. Повсюду царит хаос. Люди толпятся в главных залах, они покинули свои посты, бросив все, чтобы успеть добраться до эвакуационных капсул и десантных челноков в ангаре. Люди, которые сражались за меня, – электрики, уборщики, солдаты, повара, прислуга. Все они обречены. Завидев меня, многие кидаются навстречу, в панике хватаются за мой мундир, совершенно обезумев в попытке выжить, что-то кричат, умоляют. Отталкиваю их, и с каждым падающим на пол человеком умирает частичка моей души. Я не могу спасти их, не могу! Кто-то из оранжевых цепляется за здоровую ногу Теодоры, но женщина-сержант из серых бьет его в висок, и он с глухим стуком валится на пол.

– А ну с дороги! – ревет она, выхватывает бластер и палит в воздух.

Еще один серый, видимо, решает, что я – его счастливый билет, и помогает ей разогнать толпу, потом к ним присоединяются еще двое и, угрожающе размахивая бластерами, расчищают мне путь.

С их помощью мне удастся добраться до моих апартаментов. Прикасаюсь к ДНК-сенсору, дверь с шипением отъезжает в сторону, и мы входим. Серые прикрывают нас, держа под прицелом тридцать сорвиголов, которые осмелились прорваться сюда. Шлюз начинает закрываться, но из толпы выбегает какая-то черная и удерживает дверь. Ей на помощь приходит оранжевый. Потом – кто-то из низших кланов синих. Ни минуты не сомневаясь, сержант из серых стреляет черной в голову. Остальные серые расправляются с синим и оранжевым, оттаскивают тела от двери. Отвожу затуманенный от слез взгляд и кладу Теодору на кушетку.

– Господин, сколько мест в вашей эвакуационной капсуле? – спрашивает меня серая, заметив, что я подхожу к входному люку.

У нее по-военному короткая стрижка, из-под воротника выглядывает край татуировки. Мои пальцы летают над пультом управления, я второпях ввожу пароль.

– Четыре. Два из них – для вас. Кто полетит – решайте сами, – коротко отвечаю я, помня о том, что всего нас шестеро.

– Всего два? – ледяным тоном осведомляется сержант.

– Но розовая – рабыня! – с ненавистью в голосе шипит один из серых.

– Ни на что не годный кусок дерьма! – поддерживает его другой.

– Она – моя рабыня! – рявкаю я. – Выполнять приказ!

– К черту! – раздается чей-то голос у меня за спиной.

В повисшей тишине я не то чтобы слышу или вижу – нутром чувствую, что кто-то из них взял меня на прицел. Медленно оборачиваюсь. Старый полковник, серый, оказался тертым калачом. Стоит он на приличном расстоянии, а я безоружен – при себе ничего, кроме хлыста. Остальные шепчут полковнику, что он сошел с ума.

– Я свободный человек, господин! И имею право полететь с вами! – дрожащим голосом произносит серый. – У меня семья! Я имею право! – не унимается он, поглядывая на своих соплеменников, чьи лица окрашены кроваво-красными отсветами сигнальных огней. – А она – просто шлюха! Выскочка!

– Марцел, опусти оружие, – тихо произносит темнокожий капрал, глядя на того тяжелым взглядом. – Вспомни присягу! Мы бросим жребий!

– Это несправедливо! У нее даже детей быть не может!

– А что бы сейчас сказали твои дети, Марцел? – спрашиваю я и попадаю в точку.

Глаза бунтаря наполнились слезами, бластер задрожал в огромных лапищах. Грянул выстрел. Тело напряглось, а потом безжизненно сползло на пол, сраженное пулей из сержантского пистолета. Она пробила Марцелу висок и застряла в металлической балке.

– Поедут старшие по званию, – отчеканила сержант, убирая бластер в кобуру.

Будь я тем юношей, которого когда-то любила Эо, застыл бы в ужасе. Но того мальчика давно нет. Каждый день я оплакиваю его уход. Все больше забываю человека, которым когда-то был, забываю свои мечты, забываю тех, кого любил. Со временем горе утраты притупилось. Надо просто жить дальше, несмотря на сгустившиеся вокруг меня тени.

Люк капсулы открывается, отщелкивается магнитный замок, дверь с шипением отъезжает в сторону. Беру Теодору на руки и пристегиваю ее к одному из кресел. Ремни ей велики, ведь они сделаны для золотых. И тут из чрева корабля доносится утробный, жуткий рев, примерно метрах в пятиста от нас, – сдетонировали запасы торпед.

Искусственная гравитация отключается. Стены начинают рушиться. Ощущения непередаваемые, все вращается перед глазами с бешеной скоростью. Бью ладонью о пол капсулы, а может быть, о потолок? В корабле резко падает давление. Кого-то рвет, понимаю я скорее по запаху, чем по звуку. Ору серым, чтобы сядились побыстрее. Места не хватает одному. Он молча стоит, опустив глаза, и старается не смотреть, как сержант и полковник залезают в капсулу и пристегиваются. Активирую экстренный запуск и отдаю честь серому, оставшемуся за бортом. Он вскидывает руку к виску, сохраняя гордость и преданность, несмотря на то что настал его смертный час. Смотрит куда-то вдаль – наверное, вспоминает о своей любимой или о том, чего не успел сделать, а может быть, размышляет над тем, почему не родился золотым.

Дверь закрывается, и серый исчезает из виду.

Меня вжимает в кресло, капсула стремительно удаляется от погибающего корабля, прорываясь сквозь обломки обшивки. Снова наступает невесомость, потом срабатывают инерционные глушители. Гляжу сквозь иллюминатор на свой флагман, объятый синими и красными языками пламени. В качестве топлива на всех кораблях используется переработанный гелий-3, поэтому двигатели тут же вспыхивают, а дальше наступает цепная реакция – канонада взрывов разносит корабль на части. Внезапно я понимаю, что капсула продирается не через обломки обшивки, а через тела. Тела моих солдат. Моей команды. Сотни представителей низших цветов взрывной волной выкинуло в открытый космос.

Серые внимательно смотрят друг на друга.

– У Марцела осталось три дочери, – говорит темнокожий капрал, пытаясь сдержать дрожь от выброса адреналина. – Через два года ушел бы в отставку. А ты взяла да и прострелила ему башку!

– Составлю отчет, так этому трусу даже посмертной пенсии не выплатят! – ухмыляется сержант.

– Бессердечная сука! – моргая, отзывается капрал.

Перестаю слышать их разговор из-за оглушительного шума крови в ушах. Во всем виноват только я. Сначала нарушил правила в училище, потом нанес удар по всем представлениям золотых и решил, что они такого не потерпят, не станут менять ради меня привычную стратегию.

И вот результат: они изменили правила игры. Погибло такое количество народу, что отмыться от этого я не смогу уже никогда.

В мгновение ока умерло больше людей, чем за целый год в училище. С их смертью в моей душе появилась зияющая черная дыра.

В коммутаторе раздаются крики Рока и Виктры. Наверное, отследили мой планшет и поняли, что мне удалось уйти. Слышу, но не слушаю. Внутри все кипит от всепоглощающей ярости, руки дрожат, сердце отчаянно колотится в груди.

Каким-то образом корабль Карнуса, пострадавший, тем не менее уцелевший, продолжает бороздить просторы космоса, разрушив мой флагман. Отстегиваю ремни безопасности, встаю с кресла. В дальнем углу эвакуационной капсулы находится пневмотруба с готовым к запуску биоскафандром – техническим костюмом, превращающим человека в живую торпеду. Сконструирован для того, чтобы золотые могли катапультироваться на астероид или планету в том случае, если был риск возгорания капсулы при вхождении в атмосферу. Теперь же биоскафандр станет орудием мести. Я собираюсь катапультироваться и протаранить командный мостик этого ублюдка Беллона.

Теодора еще не пришла в себя, и слава бога.

Приказываю капралу помочь мне облачиться в биоскафандр. Через две минуты мое тело оказывается в тесном металлическом каркасе. Еще две минуты мучаюсь с компьютером, пытаюсь рассчитать траекторию для тарана корабля Карнуса, чтобы пробить окна мостика. Такого еще никто не делал до меня. Даже не пытался. Это безумие в чистом виде, но Карнус должен заплатить за все сполна.

Начинаю отсчет.

Три... Вражеский корабль надменно проплывает в сотне километров от нас. Он похож на черную змею с синим хвостом, командный мостик находится там, где у змеи были бы глаза. Между нами, подобно рубинам на солнце, сияют сотни эвакуационных капсул. Два... Молюсь, чтобы найти дорогу в Долину, если не выживу. Один. Контрольная панель гаснет, на шлеме начинают мигать красные вспышки. Кураторы вырубили мой комп и панель управления!

– Нет!!! – рычу я, глядя, как корабль Карнуса исчезает в черноте.

3

Кровь и моча

Восемьсот тридцать три человека! Восемьсот тридцать три человека погибли в этой игре. Лучше бы мне не знать их числа. Повторяю цифру снова и снова, сидя на пассажирском сиденье спасательного челнока, несущего меня обратно в Академию. Командиры до сих пор боятся поднять на меня взгляд. Даже Рок не пытается заговорить со мной.

Инструкторы отключили мой биоскафандр перед самым запуском. Говорят, хотели удержать меня от дурацкого поступка, поспешного, глупого гамбита, недостойного золотого претора. Провели со мной дебрифинг по видеосети, но я смотрел в одну точку и практически не слушал их.

Когда мы доехали до Академии, по времени моего корабля день угасал. Огромный астропорт с металлическим куполом и доки для истребителей и флагманов находятся на краю поля астероидов. Большинство доков заполнены. Здесь размещается средний командный состав Академии, это колыбель военных сил Сообщества в межпланетном пространстве региона Марса, Юпитера и Нептуна, однако наш полетный центр обслуживает и военные силы других планет при сближении орбит. Мои сокурсники наблюдали за произошедшим по мониторам в общедоступности. И не только они – командование флота и нобили, прибывшие сюда в последние недели игры в поисках развлечений и зрелищ.

О том, ценой скольких жизней досталась Карнусу его победа, не говорит никто. Поражение отрицательно скажется на моей миссии. У Сынов Ареса повсюду есть соглядатаи. На них работают хакеры и куртизанки, помогая собирать разведданные. Единственное, чего не хватает Сынам Ареса, – боевого флота, а я лишил их шанса его получить.

Со мной и моими лейтенантами никто даже не здоровается.

В большом зале алые и бурые под руководством двух фиолетовых и одного медного корпят над приготовлениями к пиру в честь победы. Сине-серебристые знамена и герб с орлом дома Беллона украшают сводчатые стены. Карнуса будут встречать дождем из лепестков белых роз. Лепестки красных роз положены настоящим победителям, триумфаторам, пролившим кровь других золотых. Кровь восьмиста тридцати трех представителей низших цветов не в счет, контора спишет.

Всю дорогу до базы мои лейтенанты спали как убитые, лишь мне не удалось вздремнуть. Впереди меня, спотыкаясь, бредут Тактус и Виктра. Оба молчат, как будто все еще не вырвались из объятий сна. Мне сон не нужен. Веки покраснели от слез. Если я усну, то увижу лица тех, кого оставил умирать на борту корабля. Увижу Эо и не смогу посмотреть ей в глаза.

Академия благоухает цветами и антисептиком. Около стен стоят корзины с розовыми лепестками. Вентиляционные системы очищают воздух, издавая мерное глухое жужжание. Флуоресцентные лампы тускло освещают залы, их зловещее мерцание напоминает нам о том, что здесь не место детским фантазиям и прочим глупостям. Подобно собравшимся здесь мужчинам и женщинам, их свет жесток и холоден.

Рок идет рядом со мной, выглядит он бледно. Говорю ему, чтобы отоспался, он это заслужил.

– А чего заслуживаешь ты? – спрашивает он. – Ни дня отдыха! Ни дня развлечений! Ты стал вторым, вторым из всех командиров! Ты можешь гордиться собой, брат!

– Не сейчас, Рок.

– Послушай, – не унимается он, – такая победа недостойна мужчины, на самом деле он проиграл! Думаешь, наши предки всегда побеждали? Не надо делать такое лицо, брат, не строй из себя греческого полководца! Усмири свою гордыню, это всего лишь игра!

– Да мне плевать на игру! – не выдерживаю я. – Столько людей погибло!

– Они сами выбрали службу во флоте, прекрасно зная, как это опасно. Их смерть была не напрасной.

– Не напрасной?! И в чем же смысл, брат?

– В том, чтобы наше Сообщество оставалось сильным.

Удивленно смотрю на него. Неужели мой мягкосердечный друг настолько слеп?! У этих людей не было выбора! Они были обречены!

– Ты так ничего и не понял, Рок.

– Как тебя поймешь? Никого к себе не подпускаешь: ни меня, ни Севро! А как ты поступил с Мустангом? Отталкиваешь от себя друзей, как будто мы тебе враги.

Рок даже не подозревает, насколько близок к истине.

* * *

В саду ни души. Огромный холл со стеклянными стенами и куполом размещается на верхнем уровне базы. Здесь, среди пышной растительности, уставшие от флуоресцентного света солдаты могут немного отдохнуть. Высокие деревья покачиваются от искусственного ветерка. Снимаю обувь, носки и радуюсь, ощущая ступнями мягкую траву.

Наверху над деревьями сияет искусственное солнце. Со вздохом облегчения я ложусь в небольшой горячий источник в центре лужайки и подставляю лицо свету ламп. Уже побледневшие синяки покрывают мое тело, словно крошечные синие и фиолетовые лужицы с желтоватыми краями. Вода снимает боль. Я сильно похудел, но мое тело упругое и напряженное, как струны внутри фортепиано. Если бы не сломанная рука, то, пожалуй, я сейчас был бы здоровее, чем в училище. Еще бы, в Академии-то кормят яичницей с беконом, а не полусырой козлятиной.

Около источника растет одинокий гемантус. Ему воды не требуется. Мы с ним оба – коренные жители Марса, поэтому я не срываю его. В месте, подобном этому, я когда-то похоронил Эо. В ненастоящем, фальшивом саду над шахтами Ликоса, там, где мы с ней в последний раз занимались любовью. Тощие юнцы, такие невинные... Откуда в этом хрупком создании такая сила духа, такая мечта о свободе? Ведь многие, куда посильнее ее, сидели сложа руки и, съездившись от страха, не решались взглянуть наверх...

В запале я крикнул Року, что мне плевать на наше поражение, но это не так. Мне далеко не все равно, и из-за этого меня охватывает чувство вины, да и скорбеть мне есть по кому. Однако до сегодняшнего дня победы наполняли мою жизнь смыслом, ведь каждая из них на шаг приближала меня к осуществлению мечты Эо. Промах лишил меня этого. Сегодня я подвел ее.

Словно прочитав мои мысли, на руке вибрирует мини-планшет. Входящий звонок от Августуса. Снимаю с запястья тонкий дисплей, прикрываю глаза и вспоминаю его слова: «Даже если ты проиграешь, если победа достанется не тебе, ты ни в коем случае не должен допустить, чтобы Беллона стали первыми. Если они получают еще один флот, баланс силы нарушится».

Вот и все. Лежу в воде, в полусонном забытии, до тех пор пока кожа на кончиках пальцев не становится сморщенной, а потом мне это все надоедает. Не создан я для моментов тишины и покоя. Вылезаю из источника, пора одеваться. Нельзя заставлять Августуса ждать слишком долго. Придется встретиться со старым львом лицом к лицу. Отосплюсь позже. Мне предстоит стоять и смотреть, как будут чествовать победителя Карнуса, а затем я наконец покину это отвратительное место и вернусь на Марс. Возможно, увижусь с Мустангом...

Одежда пропала, и лезвие тоже!

И тут я чувствую чужое присутствие.

Позади раздаётся топот армейских ботинок. Громкое, возбужденное дыхание. Кажется, их четверо. Незаметно поднимая с земли камень, оборачиваюсь и вижу, что вход в сад перекрыт. Их семеро – все золотые из дома Беллона, мои заклятые враги.

Среди них Карнус Беллона, только что с корабля. Лицо утомленное, как и у меня, плечи раза в два шире. Он возвышается надо мной, словно какой-нибудь черный. Он вообще похож на черных, вот только кровь в нем течет золотая. Да и в уме ему не откажешь. Потирает подбородок с ямочкой, мускулистые предплечья будто выточены из дерева. Жутковато находиться рядом с таким колоссом – когда тот говорит, вибрации голоса доходят до самых костей.

– Похоже, что золотая рыбка Августуса выбросилась на берег. Приветствую, Жнец!

– Голиаф, – произношу я его позывной и едва заметно киваю.

Воин Голиаф. Голиаф, сыноубийца. Голиаф Чудовищный. Мустанг рассказывала, что однажды он сломал об колено позвоночник какому-то золотому с Луны из-за того, что тот осмелился плеснуть ему в лицо коктейлем в клубе «Жемчужина». Его мать дала взятку судье, чтобы сыночек вышел сухим из воды, и тот отделался штрафом.

Список штрафов за убийства длиннее, чем моя рука: серые, розовые, даже фиолетовый. Но репутацию он сделал на гибели Клавдия Августуса, любимого сына и наследника лорда-губернатора и родного брата Мустанга.

Вокруг Карнуса кольцом встают его родственники, как и он, рожденные под сине-серебристым знаком орла-завоевателя. Все из дома Беллона – братья, сестры, кузены и кузины Кассия. Густые кудрявые волосы, неземной красоты лица. Самая влиятельная семья Сообщества и самые безжалостные убийцы.

Один из них, постарше остальных, ниже меня ростом, но более крепкого телосложения, напоминает мне спиленное дерево, поросшее светлым мхом. Ему за тридцать. Вспоминаю, что его имя Келлан. Легат, доблестный рыцарь Сообщества. Даже он пришел со своими братьями посмотреть на мою смерть. От него за километр несет высокомерием. Делает вид, что зевает. Детский сад, честное слово.

От страха сердце гулко ухает в груди. Становится тяжело дышать. С улыбкой я пытаюсь нащупать функцию экстренного вызова на спрятанном за спину планшете.

– Семеро из дома Беллона, – хмыкаю я. – Зачем ты взял с собой целый отряд, Карнус?

– У тебя было семь кораблей против моего, поэтому я пришел продолжить нашу игру. – Карнус насмешливо смотрит на меня. – Думаешь, она окончилась с гибелью твоего корабля?

– Окончилась, ты победил, – произношу я сквозь зубы.

– Я победил, Жнец? – переспрашивает Карнус.

– Да. Ценой жизни восьмиста тридцати трех людей.

– Хватит скулить! – перебивает меня Кэгни, младшая среди кузенов и кузин, дальняя родственница отца Карнуса. У нее в руках лезвие-хлыст, которое мне подарила Мустанг. – А эту игрушку я оставлю себе, – произносит девчонка, взмахивая хлыстом в воздухе. – Ты, говорят, все равно ею не пользуешься. Да и то понятно, с нею надо уметь обращаться. Боюсь, это оружие не для безродных необразованных выскочек вроде тебя!

– Иди поиграй с братишками, – фыркаю я. – До чего же вы все похожи, кудрявые засранцы, даже странно!

– Карнус, долго мы еще будем слушать его твяканье? – стонет Кэгни.

– Знаешь, Жнец, когда-то я научил Юлиана ловить рыбу, – внезапно произносит легат Келлан. – В детстве он не любил рыбалку, говорил, что не хочет делать рыбкам больно. Считал, что это жестоко. Но хозяин приказал тебе убить нашего мальчика. Вот настоящая жестокость. Ну и как тебе с этим живет? Воображаешь, что ты – герой?

– Я не хотел убивать его.

– Зато мы с радостью убьем тебя! – ревет Карнус и кивает кузенам.

Двое из них ломают ветки с деревьев и раздают остальным. Лезвия у них при себе, но, судя по всему, они хотят вдоволь насладиться процессом.

– Если вы меня убьете, то пожалеете, – говорю я, дотрагиваясь до планшета, который прячу за спиной. – Это несанкционированная дуэль, я, как-никак, нобиль со шрамом! Закон на моей стороне. Олимпийцы доберутся до вас и заставят ответить за убийство. Сначала будут пытаться, а потом казнят.

– Разве мы что-то сказали про убийство? – с ехидцей спрашивает Карнус.

– Ты принадлежишь Кассию, – встречается Кэгни, и ее лисье личико расплывается в широкой улыбке.

– Пока что ты под защитой Августа, – невозмутимо продолжает Карнус. – Ходишь у него в любимчиках. Если мы убьем тебя, начнется война. А вот из-за небольшой взбучки никто войну развязывать не станет.

Кэгни немного прихрамывает на левую ногу – наверное, что-то с коленом. Ее двоюродный брат покачивается с носков на пятки, явно боится меня. Великан готовится к драке, ему плевать, буду я сопротивляться или нет. Келлан стоит спокойно и улыбается. Ненавижу таких людей, впрочем их тяжело осудить за то, что они делают. Прикидываю шансы. Потом вспоминаю о сломанной руке, трещинах в ребрах, контузии – да, дело труба...

Мне страшно. Они не могут убить меня, я не могу убить их. Не здесь, не сейчас. Мы все знаем, что у этого танца будет конец, но все равно делаем свои па.

По щелчку пальцев Карнуса все скопом кидаются на меня. Швыряю камень в лицо Кэгни, она падает. Бросаюсь к Карнусу, взыв, словно обезумевший волк, уворачиваюсь от первого удара, молочу его по нервным центрам, вжимая локоть в его правый бицепс до разрыва мышечной ткани. Он с трудом удерживается на ногах, и я прижимаюсь к нему, пытаюсь защититься от палочных ударов. Мне удается выхватить палку из рук одной из сестер Беллона, от души приложив ее локтем в висок. Поворачиваюсь и с размаху бью палкой Карнуса по лицу, но тот успевает закрыться. Кто-то ударяет меня по затылку, летят щепки, вонзаются в кожу головы, я с трудом сохраняю равновесие, и тут Карнус ударяет меня локтем в лицо с такой силой, что вышибает мне зуб.

Они не собираются нападать по очереди. Смыкают ряды вокруг меня, демонстрируя мастерство владения боевым искусством крават. Бьют по нервам, по внутренним органам. Чудом отбиваюсь от ударов, успеваю достать нескольких нападающих, но вот я уже повержен. Чья-то палка вонзается в мой позвоночник, прямо в подреберный нерв. Растекаюсь по земле, будто горячий воск, и тут Карнус пинает меня в голову.

Я прокусываю себе язык.

Во рту разливается соленое тепло.

Земля кажется мне поразительно мягкой.

Я захлебываюсь соленой жидкостью.

Карнус ставит ногу мне на живот, потом на горло и, глядя на мой орущий окровавленный рот, произносит:

– Как говорил Лорн Аркос, если хочешь по-настоящему ранить человека, просто убей его гордость.

Ловлю ртом воздух, в горле клокочет кровь.

Потом подходит Кэгни, садится мне на грудь, упираясь коленями в мои плечи. Дышать практически невозможно. Она улыбается, разглядывает мой лоб, приоткрыв рот от наслаждения собственной силой. Крепко берет меня за волосы, обдавая горячим мятным дыханием, и спрашивает, вытаскивая планшет, зажатый у меня под мышкой:

– А что у нас тут? Вашу мать! Он предупредил августианцев! Драться голыми руками с этой сучкой Юлией я не собираюсь!

– Тогда не тяни резину! – рычит Карнус. – Сделай это!

– Тише, тише, – шепчет она, проводит ножом по моим губам и засовывает холодное лезвие мне между зубами. – Вот так-то лучше, сучонок!

А потом резким движением снимает с меня скальп:

– Вот и все, Жнец. Умница, хороший мальчик!

Кровь заливает мне глаза. Карнус сталкивает Кэгни с моей груди, рывком поднимает меня на ноги одной левой. Трясет правой рукой, – похоже, я прилично задел его бицепс, поэтому размахнуться по-настоящему у него не получается. Оскалив зубы, он резко бьет меня головой в грудину. У меня все плывет перед глазами. Раздается хруст. С таким звуком ломают хворост для костра. Из моего рта вырываются клопочущие, нечеловеческие звуки. Карнус наносит мне еще один удар, а потом отбрасывает мое искалеченное тело в сторону.

Сверху на меня льется что-то теплое, ноздри щекочет запах мочи. Беллона смеются, Карнус наклоняется ко мне и шепчет:

– Моя мать просила передать: нищий никогда не станет принцем! Каждый раз, глядя на себя в зеркало, будешь вспоминать, что мы с тобой сделали. Ты дышишь просто потому, что так решили Беллона. Помни, однажды мы вырвем тебе сердце и съедим его сырым. Как больно падать с высоты, правда, Жнец?

4

Падение

Я стою перед хозяином, но он даже не смотрит в мою сторону.

Стены кабинета обшиты деревянными панелями, на полу лежит старинный ковер, который железный предок Августуса привез из дворца на Земле после падения Индийской Империи – государства последней великой нации, пытавшейся сопротивляться золотым. Какой же ужас, должно быть, испытали эти рожденные естественным путем люди, когда увидели, как с неба на них устремляются завоеватели. Совершенные существа принесли им не надежду, а цепи.

Стою у спартанского стола из дерева и железа. Единственное его украшение – кровавое пятно, которому уже семь сотен лет. Оно осталось после того, как последний император Индии лишился головы от удара бритвы золотого убийцы.

Нерон Августус лениво поглаживает льва, лежащего рядом со столом. Они словно статуи-близнецы. За ними в иллюминаторе чернеют космические просторы, где, подобно огромным големам, угрожающе застыли корабли армады Цептера. Мы миновали их во время последнего перехода в нашем трехнедельном путешествии с Марса. Августус смотрит на инфостолешницу, по дереву которой бежит нескончаемый поток информации.

Какой же безмерно далекой кажется мне поездка на Марс, когда хозяин показывал мне наши владения, от латифундий, которые возделывают в поте лица высшие алые, до полярных областей, где в средневековой изоляции живут черные. Тогда он особо выделял меня, приближал к себе, учил тому, чему сам научился от отца. Я был его фаворитом, пожалуй что вторым после Лето. Теперь Августус ведет себя как чужой человек, ему за меня стыдно. С тех пор как Карнус и его родичи напали на меня в Академии, прошло два месяца. Волосы отросли, переломы зажили, а вот репутация утрачена безвозвратно. Лорд-губернатор Августус серьезных дел мне больше не доверяет – так, одни мелочи. Врагов с каждым днем становится все больше, но теперь они предпочитают перешептываться за моей спиной, а не хвататься за лезвия.

С каждым днем я все больше убеждаюсь в том, что Сыны Ареса ошиблись, выбрав именно меня. Не создан я для всех этих политических игрищ, для стратегических тонкостей! Черт побери, да, я знаю, как спрятать мальчишку в лошадь, предварительно вспоров ей живот, а вот взятку дать нормально не смогу, даже если на кону будет стоять моя жизнь!

В кабинете лорда-губернатора звучит нежный, ласковый голос, будто созданный для того, чтобы изрекать полуправду: «Три нефтеперегонных цеха. Два ночных клуба. Два поста серых. Разрушены бомбежкой с тех пор, как мы покинули Марс. Семь нападений, монсеньор. Пятьдесят девять золотых погибло».

Плиний. Изворотливый, словно саламандра, с нежной кожей под стать розовому, а не золотому. Политик Плиний не имеет шрамов, он не нобиль, даже училище не окончил. Глаза хитро блестят из-под ресниц, таких длинных и пушистых, что любая баба обзавидуется. Вот павлин! Тонкие губы покрыты бледной помадой. От уложенных кольцом волос пахнет парфюмом. Тело худощавое, но мускулистое, хотя, пожалуй, чересчур жилистое, думаю я, глядя на его облегающую шелковую тунику, расшитую чудными узорами. Да из этого котика любой пацаненок сможет в два счета душу вытрясти! Однако он мастер своего дела: распустит нужный слухок тут, вовремя пошутит там, и целые семьи идут ко дну по щелчку его тонких пальцев. Мы оба сильны по-своему: я подобен кинетической энергии, а он – энергетическому потенциалу.

Ходили слухи, что Плиний приложил руку и к уничтожению моей репутации. Тактус даже намекнул: именно Плиний надоумил Карнуса напасть на меня в саду, и уж точно именно он устроил так, что мое унижение было заснято на камеру.

Рядом с Плинием стоит еще один человек. Лето. Великий воин, на десять лет старше меня, волосы заплетены в косичку, улыбка освещает его лицо, словно полумесяц. Настоящий поэт лезвия, достойный преемник Лорна Аркоса, как считают многие. Скорее всего, именно он станет наследником Августуса, а не дети – Мустанг и Шакал. И я, в общем-то, одобряю выбор хозяина.

– Сыны Ареса слишком много себе позволяют, – бормочет себе под нос Августус.

– Конечно, монсеньор, – с прищуром кивает Плиний, – если это и правда их рук дело.

– Кто еще, кроме этих муравьев, осмелится укусить нас?

– Насколько нам известно, никто. Но, кроме муравьев, в мире есть и пауки, и клещи, и крысы. Бомбежка – чересчур примитивный выбор для Ареса, слишком уж неизбирательно и жестоко. Сыны Ареса последовательно ведут технологический саботаж и пропаганду, это по их части. Арес не позволяет себе грубых выходок, и мне сложно поверить в то, что ответственность за теракты лежит на нем.

– Какие соображения? – нахмурившись, спрашивает Августус.

– Возможно, появилась новая террористическая организация, монсеньор. Население планеты, согласно переписи, составляет восемнадцать миллиардов душ, вряд ли один-единственный человек может обладать монополией на терроризм как таковой. Даже криминальному синдикату это не под силу. Я собираю информацию для базы данных и могу сказать, что...

Плиний прав. Теракты, внезапно обрушившиеся на Марс и другие планеты, выглядят по меньшей мере странно. Танцор говорил о справедливости, а не о мести. А эти террористы мелочны и жестоки – они бомбят казармы, торговые центры, ярмарки, кафетерии и рестораны для высших цветов. Арес никогда бы не дал добро на такое. Слишком мало толку, слишком много шумихи. Зачем в открытую бросать вызов золотым, напрашиваясь на верную гибель?

Я сотни раз отправлял Танцору электронные сообщения, но все без толку. Ни единого ответа. Тишина. А вдруг он умер? Или Арес покинул меня, избрав новую тактику беспорядочных бомбежек?

– Возможно, Арес сменил тактику. Он чертовски изобретателен, – сдерживая зевоту, продолжает Плиний.

– Если Арес – это он, – произносит вдруг Лето.

– Интересное дело, – тут же поворачивается к нему Августус. – Почему ты решил, что Арес – женщина?

– А с какой радости мы все думаем, что он – мужчина? Возможно, он – женщина. Или от его имени действует группа людей, что отчасти могло бы объяснить непоследовательную стратегию. Дэрроу, – обращается ко мне Лето, – а ты что думаешь?

– Не донимай Дэрроу вопросами, которых он не в силах понять! – злобно каркает Плиний. – Спрашивай так, чтобы можно было ответить только «да» или «нет»! – восклицает он, глядя на меня с неподдельным сочувствием, и похлопывает меня по плечу. – За этими милыми улыбочками скрывается честный, простодушный монстр, правда, Дэрроу? Лето, тебе ли не знать!

Я оставляю его провокацию без внимания.

– Так вот, Лето, ты, кажется, забыл о том, что мы создали алых и их общество по законам строгого патриархата, – продолжает политик. – Вся их ментальность построена на добыче ресурсов ради эмбрионического терраформирования Марса. Серьезная, тяжелая работа должна выполняться мужчинами. Согласно стратификационному протоколу, к такой работе женщины не допускаются, даже если они способны ее выполнять. Как видишь, Арес не может быть женщиной, потому что никто из этих ржавых крепышей не станет подчиняться женщине или мужчине, который никогда не бывал в шахте!

– Если Арес и правда алый, – с серьезной улыбкой произносит Лето, но Плиний и Августус лишь смеются над его идеей.

– Ага, а может, он – спятивший фиолетовый, вот и решил устроить спектакль! – провозглашает Плиний.

– Или медный брокер, которому просто надоело платить налоги! – поддерживает его шутку Лето.

– О нет! Это черный – он, если позволите сказать, наконец-то осознал ужасную силу технологий и научился пользоваться видеокамерой! – хохочет Плиний, хлопая себя по бедру. – Я бы отдал одну из моих розовых за то, чтобы увидеть...

– Довольно, патриции! – перебивает его Августус, стуча пальцем по столу, Плиний и Лето обмениваются улыбками и тут же поворачиваются к хозяину. – Плиний, давай-ка к делу!

– Да-да, монсеньор! – откашливается Плиний. – Итак, в отличие от пропаганды и кибератак сейчас мы имеем дело с примитивными актами насилия, что сильно облегчает задачу. Наш ответ должен быть прост, кто бы за этим ни стоял. Наши убойные отряды готовы к нанесению тактических ударов по базам подготовки террористов под поверхностью Марса. Рейд нужно провести безотлагательно. Если мы будем медлить, боюсь, что преторы верховной правительницы могут взять дело в свои руки. Рожденные на Луне не понимают Марс. Они тут все в ключья разнесут.

– Глупец обрывает листву. Дикарь валит ствол. Мудрец же перерубает корни, – произносит Августус. – Так однажды сказал моему отцу Лорн Аркос. Это изречение высечено в Зале клинков в Новых Фивах. Удар по базам террористов лишь принесет им больше популярности в сети. Политические игры мне до смерти надоели. Пора менять стратегию. С каждым следующим терактом я падаю все ниже в глазах верховной правительницы.

– Вы управляете Марсом, а не Венерой или Землей. На нашей планете всегда было неспокойно, чего она ожидает?

– Результатов.

– Что вы задумали, монсеньор? – спрашивает Плиний.

– Я намерен отравить корни Сынов Ареса. Мне нужны не серые, а смертники. Найдите мне самых отвратительных, ужасных алых на всем Марсе, возьмите в заложники их семьи и пригрозите отцам, что их сыновья и дочери умрут, если те не выполнят приказ. Большинство смертников пусть бомбят те районы поверхности, где больше всего молодежи, да еще пару шахт, потом решим какие. Женщин не брать. Необходимо расколоть общество. Женщины будут против насилия.

Для него человеческая жизнь гроша ломаного не стоит.

– Еще мы пошлем смертников в города, – продолжает он. – Погибнуть должны не только бурые и алые, не только шахтеры и земледельцы, но и дети синих и зеленых в школах и игровых центрах рядом с граффити Сынов Ареса. Вот тогда-то мы посмотрим, что запоют другие цвета! Уж точно не песню этой чертовой девчонки!

Сердце на мгновение перестает биться. Песня Эо пронеслась над всей планетой, о таком она даже и не мечтала. Запись ее казни взорвала видеосеть Сообщества, всю Солнечную систему, получив миллиарды репостов благодаря хакерам-анархистам. Меня снова охватывает страх, что меня раскроют. Возможно, кто-нибудь из золотых просмотрит архивы и обнаружит, что мужа Эо звали Дэрроу. Но о чем это я? Я и сам сейчас с трудом узнал бы того бледнокожего мальчика, худого, точно скелет. Что же до имени, так имена низших алых вообще не записываются. Когда-то у меня был просто номер, который мне присвоил кто-то из медных чиновников. Л-17Л6363. Тогда на виселице вздернули его, Л-17Л6363, а тело выкрали неизвестные нарушители порядка и, вероятно, похоронили где-то в шахтах.

– Вы хотите посеять вражду между алыми и остальными цветами, а потом взяться за Сынов Ареса из алых, – с улыбкой бормочет Плиний. – Монсеньор, зачем я вообще вам нужен?

– Не опускайся до лести, Плиний. Это недостойно нас обоих.

– О да, монсеньор, – почтительно склоняется тот перед хозяином, – примите мои извинения!

– Хватит скулить! – бросает ему Августус и поворачивается к Лето.

– Боюсь, так мы сделаем только хуже, – задумчиво хмурится Лето. – Сыны Ареса, конечно, доставляют нам неприятности, но не более того. Есть враги и посерьезнее. А если поступим по-вашему, то лишь подольем масла в огонь. Да еще и станем террористами, как Сыны Ареса. Вина за происшедшее ляжет на нас.

– О какой вине ты говоришь? – лениво вопрошает Плиний, не отрываясь от своего планшета. – Судья не может быть признан виновным.

– Монсеньор, – не унимается Лето, – мы облечены властью, поскольку никто, кроме золотых, не может быть лучшими пастырями для человечества. Мы цари-философы, о которых писал Платон. Мы – стражи порядка, гаранты стабильности. Сыны Ареса – анархисты, слуги хаоса. Вот что мы должны обратить против них! Ночные рейды серых, теракты против детей – это нас недостойно!

– Не стоит ли нам воззвать к устремлениям высочайшего порядка? – подхватывает его мысль Плиний.

– Вот именно! Возможно, нам нужна информационная кампания против Сынов Ареса! Не так ли, Дэрроу? – спрашивает меня Лето.

Я молчу и жду, пока лорд-губернатор не посмотрит в мою сторону. Монсеньор не признает высокомерия или нарушения субординации, если они ему не на руку.

– О идеализм! – вздыхает Плиний. – Столь восхитительное качество среди юнцов, однако...

– Осторожнее, политик! Следи за языком! – огрызается Лето, сверля взглядом ухмыляющееся лицо Плиния, не украшенное шрамом нобиля. – Ваш план слишком жесток, лорд-губернатор. Вас интересует мое мнение – вот оно.

– Жестокость... – задумчиво произносит Августус. – Жестокость находится за пределами добра и зла. Это лишь внешнее описание явления, в данном случае – действий. Надо смотреть в корень, видеть природу действия. Мы пытаемся остановить террористов, которые взрывают ни в чем не повинных людей. Это хорошо или плохо?

– Полагаю, что хорошо.

– Тогда мы правы, какой бы способ ни избрали, – лишь бы в результате наших действий пострадало меньше мирных граждан, чем могло бы пасть от их руки, так? – размеренно продолжает Августус, переплетая длинные пальцы рук. – Однако мы с вами обсуждаем не философию, а политику. Главную угрозу представляют собой вовсе не Сыны Ареса, о нет! Они – слепое орудие наших политических врагов. Беллона воспользуются их действиями и обвинят меня в неспособности держать Марс под контролем. Эта кучерявая семейка давно пытается сместить меня с поста губернатора! Как вам известно, лишь верховная правительница обладает полномочиями для моей отставки без проведения голосования в сенате. Если она пожелает, то может просто отдать Марс другому дому – семье Беллона, нашим союзникам Юлиам, в конце концов, представителям другой планеты. Никто из них не сможет управлять Марсом лучше, чем я! Я не тиран, однако считаю: детей, которые пытаются поджечь дом, отец должен хорошенько оттащить за уши. Если придется уничтожить несколько тысяч ради всеобщего блага – для того чтобы планета была обеспечена гелием-три, а ее граждане могли жить в мире без войны, – то так я и поступлю, – сказал он и помолчал. – И вот тут-то нам пригодится Дэрроу Андромедус.

С этими словами Августус устремляет на меня ледяной взор, которого было достаточно, чтобы послать на смерть тысячи невинных людей. Непроизвольно морщусь, чувствуя, как во мне поднимается черная ненависть, но почтительно склоняю голову:

– Монсеньор, я к вашим услугам.

– Знаю. Твоя задача будет простой. Знаешь ли ты, что я взял тебя из училища к себе на службу не просто так?

– Да, монсеньор.

– Я решил, что твоих заслуг вполне достаточно, а ваши школьные разборки с Кассием Беллона меня даже позабавили. Однако в определенный момент кровная вражда между вами стала мешать моим экономическим и политическим интересам, – бросив взгляд на Плиния, продолжает лорд-губернатор. – Значительные инвестиции пошли прахом из-за увеличения перевозочных тарифов в Центр, где многие поддерживают дом Беллона. Немало семей готовы нарушить сделки, заключенные много лет назад за столом переговоров. Поэтому в качестве шага навстречу тем, кто понес убыток, я принял решение продать тебя другому дому.

Меня охватывает нервная дрожь, но я держу себя в руках. Этого нельзя допустить! Если он отошлет меня, то три года тяжелой работы пойдут коту под хвост!

– Монсеньор, если вы позволите...

– Не позволю, – резко перебивает меня Августус, открывает ящик стола и ленивым движением бросает кусок мяса своему льву – тот ждет, когда хозяин щелкнет пальцами, и только потом начинает есть. – Решение было принято еще месяц назад. Разговорами делу не поможешь. Я тебе не серебряный, с которым можно торговаться за фьючерсы на литий! Плиний...

– Инструкции довольно просты, Дэрроу, даже ты разберешься, – не сводя с меня глаз, произносит Плиний. – Лорд-губернатор и так слишком добр к тебе, предупреждая о продаже, как и положено по твоему контракту.

– По контракту я имею право знать о расторжении за шесть месяцев.

– А ты вспомни главу восьмую, подглаву С, параграф четыре. Работодатель обязан уведомить работника о расторжении контракта за шесть месяцев, за исключением тех случаев, когда копейщик своим поведением роняет достоинство благородного дома Августусов.

– Это шутка? – спрашиваю я, недоверчиво глядя на Лето и Августуса.

– А что, кто-то из нас смеется? – чопорно вопрошает Плиний. – По-моему, мы все настроены совершенно серьезно!

– Но я же занял второе место в рейтинге Академии! А ты даже училище не окончил!

– О нет, дело не в этом! Ты справился хорошо... достаточно хорошо.

– Тогда почему?!

– Слишком часто появляешься на ток-шоу видеосети.

– Да я ни разу не выступал по видеосети! Я ее даже не смотрю!

– Да брось ты! Ты же у нас звезда! Они, конечно, над тобой издеваются, но ты все время в центре внимания, ты покрыл этот дом позором! Нам известна история твоих запросов на планшете. Мы знаем, как ты часами смотришь передачи про себя любимого, словно в зеркало глядишься! А все эти байки про тебя и дочь лорда-губернатора...

– Но Мустанг уехала на Луну!

– А ты был и не против, правда? Ты предложил ей присоединиться ко двору верховной правительницы, правда? Хочешь посеять раздор между отцом и дочерью?

– Хватит нести чушь, Плиний!

– Своими действиями ты порочишь славное имя Августуса! Твоя драка с Беллона в термах дала нам повод для размышления. Такого поведения мы допустить не можем.

Я просто теряю дар речи. Он все это выдумал! Мог бы воспользоваться фактами, но нет, врет мне в глаза, просто чтобы доказать, что я целиком в его власти.

– Контракт будет расторгнут через три дня, – завершает свою обвинительную речь Плиний.

– Три дня, – растерянно повторяю я.

– Ты отправишься с нами на Луну и будешь ждать окончания этого срока в резиденции, предоставленной дому Августусов на время саммита, однако формально уже с сегодняш-

него дня полномочия копейщика этого дома с тебя сняты. Ты больше не являешься представителем лорда-губернатора и не имеешь права использовать его имя для получения доступа к общественным сервисам, для оказания услуг молодым женщинам и мужчинам, будь то обещания или угрозы. Планшет дома Августусов будет конфискован. Все идентификационные коды копейщика уже заблокированы, и с настоящего момента ты не можешь принимать участие ни в одном из порученных тебе проектов.

– В моем ведении и так находились лишь строительные проекты!

– Тогда переход на новую службу будет нетрудным. – Губы Плиния искривляются в змеиной усмешке.

– Кому меня продают? – с трудом произношу я.

Расставаясь со мной, Августус не смотрит мне в глаза. Гладит своего льва с таким видом, будто меня и в комнате-то нет. Лето опустил взгляд в пол. Ему стыдно. Он выше таких политических игр, но Августус пригласил его сюда не случайно – хочет научить преемника ампутировать зараженную гангреной конечность.

– Никто тебя не продает, Дэрроу. Я полагал, что ты, несмотря на низкое происхождение, все-таки понимаешь свое положение. Мы не розовые и не черные, нами нельзя торговать, словно рабами. Твои услуги будут выставлены на аукцион, – надменно сообщает мне Плиний.

– Какая, к черту, разница! – сквозь зубы произношу я. – Вы отказались от меня! Кто бы ни приобрел мои услуги, он не сможет защитить меня от Беллона. Эти кучерявые ублюдки выследят меня и убьют. Два месяца назад они оставили меня в живых лишь потому...

– Потому что ты был представителем дома Августусов? – заканчивает за меня Плиний. – Но лорд-губернатор ничего тебе не должен, Дэрроу. Ты страдаешь оттого, что тебя не оценили по достоинству? Не забывай, что это ты в долгу перед ним, а не он перед тобой! Обеспечение твоей безопасности дорого нам обходится: упущенные возможности, неподписанные контракты, проваленные сделки! Не слишком ли высокая цена за твою жизнь? Мы стремимся к паритету с домом Беллона. Верховная правительница хочет мира. Кто ты такой? Источник трений, заноза в нашей руке, безмозглое орудие войны. И теперь мы расплавим наш меч и перекуем его на орало!

– Ага, только сначала отрубите мне голову!

– Дэрроу, только не надо нас умолять, – вздыхает Плиний. – Прояви смирение, юноша! Время твоей службы истекло, это правда, но не вешай нос! У тебя есть сила и бодрость молодости! Так подними же голову высоко и уйди с достоинством, как подобает золотому, который знает, что сделал все, от него зависящее, – с издевкой поглядывая на меня, продолжает политик. – Просто выйди из этого кабинета. Прямо сейчас, о нобиль, а то Лето даст тебе пендель прямо по твоим накачаным ягодицам!

– Так вот за кого вы меня принимаете? – спрашиваю я у лорда-губернатора, глядя ему прямо в глаза. – За напроказившего ребенка, которого можно взять и поставить в угол?

– Дэрроу, тебе лучше... – начинает Лето, но Плиний перебивает его, кладя руку мне на плечо:

– Ты не оставил нам другого выбора. Если переживаешь, что тебе не заплатят, так не волнуйся. Ты получишь достаточно денег, чтобы...

– Последний раз, когда кто-то из прислужников лорда-губернатора осмелился дотронуться до меня, я воткнул нож ему в затылок. Шестикратно! – перебиваю я Плиния, поглядывая на его руку, и он быстро отдергивает ее. – Мне не смеют указывать жалкие эльфы без шрамов. Я аурей! Лорд-примас пятьсот сорок второго класса Академии Марса! Я подчиняюсь только лорду-губернатору!

Делаю шаг к Августусу, и Лето на всякий случай придвигается к нему поближе, хорошо зная мой буйный нрав.

– Монсеньор, на Пробе именно вы поставили меня в пару с Юлианом Беллона! Я убил его ради вас. Ради вас я сражался с Карнусом. Я и мои люди держали рот на замке и ни разу не проговорились о том, как вы пытались купить своему сыну победу в училище, – напоминаю я, заметив, что Лето поморщился. – Я изменил записи. Доказал, что я лучше ваших кровных наследников. А теперь вы, монсеньор, сочли меня обузой?

– Да, ты аурей, – соглашается со мной лорд-губернатор, продолжая изучать данные на встроенном в столешницу мониторе. – Но ты – никто. Твоя семья мертва. Ни земель, ни ресурсов, ни поста в правительстве они тебе не оставили. Все было конфисковано в счет уплаты долгов. Все, в том числе честь. Так что довольствуйся крошками с хозяйского стола и радуйся милостям судьбы!

– А я думал, что дело для вас важнее титулов! Мустанг оставила вас, монсеньор! Не повторяйте эту ошибку, отсылая и меня!

Только сейчас он снисходит до того, чтобы взглянуть на меня. Ледяной, нечеловеческий взгляд – отстраненность, холодный расчет и чудовищная, сверхъестественная гордость. Гордость, которая больше его самого. Она берет свое начало в эпоху первых жалких попыток освоения космоса. Гордость дюжины поколений, гордость его предков, его братьев и сестер, со временем превратившаяся в бриллиант чистой воды, идеальный сосуд. Она не терпит поражений и не прощает ошибок.

– Мои враги унизили тебя, Дэрроу. Значит, они унизили и меня. Ты говорил, что победишь, но проиграл. Вот и все.

5

Ужин

Скоро я умру.

Когда наш челнок начинает удаляться от флагманского корабля Августуса, пробираясь между кораблями армады Цептера, ни о чем другом я думать не могу. Сажу рядом с другими копейщиками, прекрасно понимая, что перестал быть одним из них. Они всё знают. Никто со мной не заговаривает, да и зачем? Политической ценности я собой не представляю. Слышу, что Тактусу предлагают пари: сколько дней я протяну без защиты Августуса. Кто-то из копейщиков говорит: три дня. Тактус бурно спорит с ним, показывая, насколько он предан мне еще со времен училища.

– Десять дней, – заявляет он, – минимум десять дней!

А ведь это он отдал приказ запускать эвакуационную капсулу, не дождавшись меня. Так и знал, что дружба золотых – штука ненадежная, но его поведение все равно меня ранит, заставляя ощутить невыразимое одиночество. Среди золотых мне всегда было одиноко, но я обманом заставил себя забыть об этом. Какое, на хрен, одиночество? Я не такой, как они! Поэтому я молчу, смотрю в окно на корабли армады и жду, когда появится Луна.

Срок действия моего контракта истекает в последний вечер перед саммитом. Все правящие семьи собираются на Луне, чтобы разобраться со всеми проблемами, как насущными, так и пустяковыми. У меня есть всего три дня, чтобы восстановить репутацию и дать им понять, что лорд-губернатор просто-напросто не смог оценить меня по достоинству. Однако для них я все равно буду бракованным товаром, пусть и довольно ценным. Мною попользовались, а потом выкинули за ненадобностью. Кому такой нужен?

От судьбы не уйдешь. Несмотря на облик и таланты золотого, я остался посредственностью. От одной мысли об этом хочется с кровью вырвать знаки, которыми отмечены мои руки. Раз уж из меня хотят сделать раба, надо соответствовать!

Мало того, за мою голову еще и назначена награда! Разумеется, неофициально. Это противозаконно, так как я не являюсь врагом Сообщества. Мой враг куда страшнее, он более жесток, чем любое правительство. Мой враг – женщина, пославшая Карнуса и Кэгни в Академию.

Ходят слухи, что каждый вечер с того дня, как я лишил жизни Юлиана во время Пробы, его мать, Юлия Беллона, садится во главе длинного стола в церемониальном зале семьи на склонах Олимпа, ждет, пока розовые прислужники не поставят перед ней серебряный поднос с полукруглой крышкой и не приподнимут ее. Каждый вечер поднос оказывается пустым. Каждый вечер она печально вздыхает, обводит грустным взглядом членов семьи и выносит им один и тот же приговор: «Вы меня не любите. Если бы любили, то здесь лежало бы сердце, вид которого удовлетворил бы мою жажду мести! Если бы любили, то убийца моего мальчика уже давно испустил бы дух! Если бы любили, то восстановили бы поруганную честь своего брата! Но вы меня не любите! Вы не любите его! Не любите! Что я сделала, чтобы заслужить такую ужасную семью?» А потом весь род Беллона молча наблюдает, как их матриарх с трудом поднимается из кресла и выходит из зала, скорее напоминая бестелесного призрака, чем женщину.

Все это время поднос Юлии Беллона был пуст лишь благодаря оружию, деньгам и имени лорда-губернатора. Все это время я оставался в живых лишь благодаря столь ненавистной мне политике. Не пройдет и трех дней, как я лишусь этой защиты, и о ней позабудут, вот тогда придется рассчитывать только на себя и на уроки, преподанные мне учителями.

– Дуэль будет, как пить дать, – шепчет один из копейщиков. – От такого вызова можно отказаться лишь ценой собственной чести, – продолжает он громче и увереннее. – Если Кассий вызовет Жнеца на поединок, тот не сможет увильнуть.

– Жнец тот еще пройдоха, что-нибудь придумает, – качает головой Тактус. – Тебя-то там не было, но уж поверь, Аполлона он убил не своей сногшибательной улыбкой!

– Лезвием его чикнул, а, Дэрроу? – насмешливо спрашивает другой копеечник. – Что-то давненько тебя в фехтовальном зале не видать!

– Да он там вообще не появляется, – поддерживает его другой. – Эльф не занимается тем, что ему не дано, да?

Сидящий рядом со мной Рок сердито ерзает. Кладу руку ему на плечо, а потом медленно поворачиваюсь и пристально смотрю на насмешника. За его спиной сидит Виктра и с ленивым интересом наблюдает за сценой.

– Я не люблю фехтование, – по слогам произношу я.

– Не любишь? Или просто не умеешь? – со смешком спрашивает кто-то.

– Да отстаньте вы от него! Мастера лезвия – дорогое удовольствие, – замечает Тактус.

– Вот оно как, Тактус? – говорю я.

– Ой, ну ладно тебе! – морщится он. – Я же просто шучу! Ты чертовски серьезен, Дэрроу, раньше с тобой было веселее!

Рок что-то шепчет Тактусу на ухо, тот хмурится и отворачивается, но слов я не расслышал. Вспоминаю те деньки, когда все эти золотые игры казались мне детским лепетом. Что же изменилось? Рядом нет Мустанга, вот что...

– Ты достоин большего, – прошептала она, провожая меня в Академию. – Ты не должен становиться убийцей. Не должен развязывать войну, – продолжала она твердым голосом, глядя на меня полными слез глазами.

– Разве у меня есть выбор? – спросил я.

– Есть! Ты можешь выбрать меня! Останься со мной ради того, что у нас может быть! В училище за тобой пошли парни и девчонки, которые раньше даже не знали, что такое преданность. Если уедешь в Академию, то лишишься всего этого и станешь военачальником моего отца. Ты не такой! Ты – мужчина, который показал мне, что такое... – Она осеклась на полуслове и сжала губы в тонкую жесткую линию.

Любовь? Неужели именно это чувство возникло между нами в год после окончания училища?

Пусть так, однако слова застряли у нее в горле, потому что мы оба прекрасно знали: я не отдал ей себя целиком. Не раскрыл перед ней свою душу, ревностно хранил свои секреты. Как может девушка с таким чувством собственного достоинства подарить свое сердце тому, кто готов дать ей взамен лишь жалкие крохи? Мустанг прикрыла свои золотые глаза, вложила мне в руки лезвие и пожелала мне удачи.

Я ни в чем ее не виню. Она выбрала политику и управление – тот мир, который, по ее мнению, нужен народу. Я выбрал меч, потому что моему народу необходимо именно это. Ощущаю какую-то странную пустоту, думая о том, что она, в отличие от Эо, хотела просто быть рядом со мной, ей было бы этого достаточно. Рок прав. Я оттолкнул ее своими собственными руками.

Севро я отталкивать не собирался, наоборот, просил его остаться, но тут его, как и многих упырей, вдруг отослали на Плутон – охранять строительные работы от набегов каких-то там пиратов. Подозреваю, что и к этому руку приложил Плиний.

Еще никогда путь мой не был настолько одинок.

– Тебя не покинут, – наклоняется ко мне Рок. – Другие дома наверняка заинтересуются тобой, не слушай ты Тактуса! Беллона не осмелятся пойти против тебя.

– Конечно не осмелятся, – стараюсь я соврать поубедительнее, чтобы он не почувствовал мой страх.

– Насилие в цитадели под запретом, Дэрроу. Особенно кровная месть. Даже дуэли противозаконны, если только сама верховная правительница не даст своего согласия. Просто не

выходи за пределы цитадели, пока не обрешь новый дом и все не наладится. Тяни время, делай что должен, и через год, когда ты воспаришь под покровительством другого дома, лорд-губернатор поймет, что остался в дураках. Наверх ведет множество путей, брат, не забывай об этом, – произносит он, беря меня за плечо. – Знаешь, я попросил бы мать с отцом тебя выкупить, но они... они не пойдут против Августуса.

– Понимаю, – киваю я.

Родители Рока и глазом не моргнув могли бы потратить миллионы на заключение контракта, но его мать уже двадцать лет не удостаивалась должности сенатора из-за своей благотворительности. Ее судьба в сенате полностью зависит от Августуса, поэтому она делает все, что он пожелает.

– Ты прав, со мной все будет в порядке, – говорю я, но тут в иллюминаторе появляется Луна, и все на мгновение затихают.

Я с ужасом смотрю на приближающуюся планету. Вокруг нее вращаются спутники и металлические конструкции, подобно стальному нимбу над янтарной головой ангела, чей взгляд устремлен к солнцу.

– Все будет в порядке!

6

Икар

Приземляемся рядом с цитаделью. Липкий пыльный ветер пригибает к земле деревья рядом с посадочной площадкой. На шее, у высокого воротника, тут же выступают капельки пота. Это жуткое место не нравится мне с самого начала. Территория цитадели находится вдали от городов, среди лесов и озер, однако грязный воздух словно облепляет легкие противной пленкой.

На горизонте над острыми шпилями западных построек нависает Земля, распухший голубой шар, напоминая мне, как далеко я оказался от родного дома. Гравитация здесь слабее, чем на Марсе, и в шесть раз меньше, чем на Земле, поэтому мои движения становятся неуверенными и неуклюжими. Я не иду, а как будто парю над землей. Координация скоро восстанавливается, но тело продолжает страдать от собственной легкости и неприятного ощущения клаустрофобии.

На севере приземляется еще один корабль.

– Похоже на серебро Беллона, – вполголоса произносит Рок, щурясь от лучей закатного солнца, но я лишь нервно хихикаю. – Ты чего? – удивленно смотрит он на меня.

– Да просто представил себе, что у меня тут припасена ракета-пульсар.

– Что ж... мило с твоей стороны, – бросает он на ходу, а я держусь рядом, не спуская глаз с корабля. – Как же я люблю закаты на Луне! Как будто мы оказались в мире, воспетом Гомером! Посмотри на цвет небес! Словно только что отлитая бронза!

Чужое небо над нашими головами постепенно темнеет. Теперь эта сторона Луны не увидит дневного света целых две недели. Полмесяца здесь будет длиться ночь. Шикарные яхты исчезают в сумерках, мимо нас со свистом несутся туда-сюда патрульные челноки синих, похожие на склеенных из осколков эбенового дерева летучих мышей.

Гравитация всего в одну шестую долю земной позволяет жителям Луны строить дома так, как им заблагорассудится, и они своего не упускают. За территорией цитадели линия горизонта изрезана башнями и луноскребками. Повсюду винтовые лестницы, помогающие жителям легко перемещаться по воздуху. Лестницы извиваются между высокими башнями, словно плющ, соединяя райские кущи с геенной огненной – районами для низших цветов. Тысячи мужчин и женщин спешат по ступенькам, словно муравьи по лозе, а по самым оживленным улицам с жужжанием проносятся патрульные аэроботы серых.

Во владении Августуса находится вилла, хорошо спрятанная от посторонних глаз среди тридцати акров соснового леса. Красивое место, хотя не менее хороши сады, дорожки, фонтаны, скульптуры ангелочков и прочая ерунда.

– Как насчет спарринга по кравату? – спрашиваю я Рока, указывая на тренировочный зал неподалеку. – Помогает отвлечься.

– Не могу, – морщится Рок, пропуская вперед копейщиков и их адъютантов, которые один за другим исчезают в дверях виллы. – Надо идти на конференцию по капитализму в век управления.

– Скуотица! Если хочешь поспать, так кровати на вилле гораздо удобнее!

– Издеваешься? Да эту конференцию открывает сам регулус Солнца!

– Сам Квиксильвер?! – удивленно присвистываю я. – Будешь учиться, как делать бриллианты из гальки? Говорят, что у него на контракте два олимпийских рыцаря, слышал?

– Так и есть. По крайней мере, мать мне рассказывала. Помнишь, что Августус заявил верховной правительнице на коронации? «Мужчина никогда не бывает слишком молодым, слишком мудрым или слишком сильным, чтобы убить другого, а вот слишком богатому убивать незачем».

– Это Аркос сказал.

– Да нет же, Августус, точно тебе говорю!

– Обратись к первоисточникам, брат, – качаю головой я. – Это сказал Лорн Аркос, а верховная правительница обернулась и ответила: «Не забывай, Рыцарь Гнева, что я – женщина».

Для моего поколения Аркос уже не человек, а легенда. Человек, бывший Мечом Марса и Рыцарем Гнева более шестидесяти лет, теперь живет в уединении. Лучшие рыцари из ауреев предлагали ему золотые горы всего лишь за неделю обучения стилю ивы – особому виду кравата. Ему я обязан перстнем-бритвой, с помощью которого разделался с Аполлоном. После игры Лорн Аркос предложил мне присоединиться к его дому, но я предпочел славному старику Августуса.

– «Не забывай, что я – женщина», – повторяет Рок с почтением в голосе – он испытывает такой же трепет перед имперскими легендами, как и я перед историями о Жнеце и Долине. – Поговорим, когда я вернусь. Только без шуточек, а всерьез.

– Всерьез? То есть ты не станешь стонать, вспоминая детские влюбленности, пить вино, а потом перед сном нести бред о потрясающей форме губ Куинн и красоте захоронений этрусков? – спрашиваю я.

– Слово чести, – слегка покраснев, отвечает он, положив руку на сердце.

– Тогда прихвати с собой бутылку этого невероятно дорогого вина, вот и поговорим.

– С меня – три! – с готовностью соглашается Рок и уходит, а я с улыбкой смотрю ему вслед, но на душе у меня беспокойно.

Кое-кто из копейщиков тоже собирается на конференцию вместе с Роком, остальные устраиваются на постой, пока серая охрана Августуса прочесывает окрестности. Черные телохранители следуют за золотыми по пятам, словно бессловесные тени. Розовые из сада цитадели, грациозно покачивая бедрами, одна за другой входят в ворота виллы – члены свиты лорда-губернатора устали от долгого путешествия и жаждут развлечений.

Розовый слуга из цитадели провожает меня в мою комнату. Открыв дверь, я не могу сдерживать смех.

– Наверное, это какая-то ошибка, – говорю я, окидывая взглядом крошечную комнатушку со смежной ванной и кладовкой. – Я не уборщик!

– Он не уборщик, нечего ему делать в этом чулане! – раздаётся у нас за спиной голос Теодоры. – Это ниже его положения! – восклицает она, оглядываясь по сторонам и презрительно морща нос. – На Марсе у меня гардеробная была побольше этой кладовки!

– Вы не на Марсе, а в цитадели, – сквозь зубы цедит слуга, внимательно изучая покрытое морщинами лицо Теодоры своими розовыми глазами. – Бесплезным вещам много места не положено!

Теодора обворожительно улыбается и показывает на знак в виде дерева из розового кварца на груди мужчины:

– Боже мой! Неужели черный тополь из сада Дриопы?

– Полагаю, раньше ты такого не видела, – надменно отзывается он, а потом поворачивается ко мне. – Не знаю, как у вас там в садах Марса воспитывают розовых, господин, но на Луне вашей покорной служанке стоило бы держать себя в руках!

– Разумеется! О, это было так невежливо с моей стороны, – извиняется Теодора. – Я просто решила, что ты можешь знать Матрону Карену.

– Матрону Карену?! – недоуменно переспрашивает слуга.

– Мы вместе воспитывались в садах. Передай ей привет от Теодоры, скажи, что я навещу ее, если позволит время.

– Вы Роза! – восклицает слуга, становясь белым, как стенка.

– Была Розой. Лепестки давно опали. О, но я же не спросила, как твое имя! Я должна сообщить подруге о том, какой радушный прием нам был оказан!

Он бормочет что-то неразборчивое и быстро уходит, на прощание поклонившись Теодоре куда ниже, чем мне.

– Оттянулась? – спрашиваю я у нее.

– Всегда полезно немножко поразмять мышцы. Особенно когда все остальное разминать уже бессмысленно.

– Похоже, что моя карьера заканчивается там, где когда-то началась твоя, – мрачно смеюсь я, подходя к видеоэкрану рядом с постелью.

– Я бы не стала, – останавливает меня она, и я прикусываю нижнюю губу – это наш тайный знак, указывающий, что за нами следят. – Ну да, разумеется... Да и в видеосети вам сейчас делать нечего.

– А что там про меня говорят?

– Спорят, где именно вас похоронят.

Не успеваю ответить, как раздается резкий стук в дверь.

* * *

Розовая служанка Виктры провожает меня на личную террасу своей хозяйки. Похоже, что у нее ванна размером с мою постель.

– Какая несправедливость! – раздается женский голос из-за белесого ствола лавандового дерева. – Тебя просто выкинули за ненадобностью, как какого-то серого наемника! – восклицает Виктра, поглаживая колючий кустарник.

– Виктра, с каких это пор тебя волнует справедливость?

– Ну что ты вечно задираешься! Присядь, – недовольно говорит она.

Идеальное, сияющее лицо не портят даже шрамы, отличающие ее от сестры. Виктра садится и прикуривает какую-то модную сигарету, от которой пахнет лесоповалом на закате. Она пошире в кости, чем Антония, выше ее ростом и напоминает мне острие копья, с холодным свистом рассекающее воздух.

– Ты ошибаешься, Дэрроу, – с раздражением смотрит на меня она, – я тебе не враг!

– А кто же? Друг?

– Ты не в том положении, чтобы разбрасываться друзьями.

– Сейчас мне больше пригодился бы десяток-другой телохранителей...

– Ну у кого же найдется столько денег! – смеется она.

– У тебя, например.

– Поверь, телохранители вряд ли смогут защитить тебя от тебя самого.

– Знаешь, меня сейчас больше волнуют лезвия Беллона.

– Волнение? Так вот что было написано у тебя на лице, когда мы заходили на посадку? – Она едва заметно вздыхает. – Забавно, а я-то решила, что это страх. Нет, скорее ужас! В общем, неприятное чувство, которое возникает с пониманием того, что на Луне тебя и похоронят.

– Ты вроде бы предлагала мне дружбу, – огрызаюсь я.

– Ах да, прости. Просто ты какой-то странный. Точнее, мне кажется, что ты очень странным образом выбираешь себе друзей, – медленно произносит она, присаживаясь на край фонтана прямо напротив меня и скользя ступнями по древнему камню. – Ты всегда держал меня на расстоянии в отличие от Тактуса и Рока. Ну Рок – ладно, еще могу понять, хоть он и мягок, словно сливочное масло. Но Тактус?! Дружить с ним – все равно что играть с гадюкой и надеяться, что она тебя не укусит. Ты считал его другом, потому что вы были в одной команде в училище?

– Друг?! – Мне смешно от одной этой мысли. – Однажды Тактус мне рассказал, как в детстве братья сломали его любимую скрипку, и я приказал Теодоре потратить половину всех моих сбережений и приобрести на аукционе Квиксильвера подлинного Страдивари. Тактус

даже не поблагодарил меня, у него лицо было такое, будто я ему камень протягиваю. Спросил у меня зачем. Я ответил: «Чтобы ты на ней играл». Тогда он поинтересовался почему. «Потому что мы друзья». Он снова посмотрел на скрипку и ушел. Через две недели я узнал, что он продал ее и потратил вырученные деньги на розовых и наркотики. Какой он мне друг?

– Таким его сделали братья, – замечает она и умолкает, словно не решаясь о чем-то рассказать мне. – Думаешь, он хоть раз в жизни получал от кого-то подарок просто так? Ты поставил его в неловкое положение. Ведь от него всегда чего-то хотели взамен.

– Знаешь, почему я держал тебя на расстоянии, Виктра? – спрашиваю я, наклоняясь к ней. – Потому что ты всегда хочешь чего-то взамен, совсем как твоя сестра.

– А, ну ясно. Я так и думала, что это все из-за Антонии! Вечно она все портит! С самого рождения, когда эта волчица вылезла из утробы нашей матери и переделалась в человеческое платье. Хорошо, что я родилась первой, а то бы она меня в колыбели удавила. К тому же мы сводные сестры. У нас разные отцы, мать никогда не была приверженкой моногамии. Знаешь, кстати, что Антония взяла фамилию Северус, а не Юлия, просто чтобы позлить мать? Вот стерва! А я потом огребаю за все ее прегрешения! Так глупо!

Виктра крутит нефритовые кольца, в избытке унизывающие ее пальцы. Украшения странным образом контрастируют со спартанской суровостью ее испещренного шрамами лица.

– Зачем ты вообще решила поговорить со мной, Виктра? Мне нечего предложить тебе. Положения у меня нет. Я больше не командир. Денег нет. Репутации тоже. В общем, ничего из того, что представляет для тебя ценность.

– Дорогой, ты и понятия не имеешь, что для меня ценно. А вот насчет репутации ты ошибаешься, она у тебя есть! И еще какая! Плиний руки сложа не сидел.

– То есть он все-таки причастен к этим слухам? А я думал, что это Тактус не удержал язык за зубами.

– Причастен?! Дэрроу, да он охотится на тебя с того самого дня, как ты присягнул на верность Августусу! – смеется она. – Да нет, даже раньше! Он советовал Августусу разделаться с тобой еще в училище или, по крайней мере, отдать под суд за убийство Аполлона. Ты что, не знал? – Она качает головой, заметив мой растерянный взгляд. – Ясно. Ты и правда не знал. Теперь понимаешь, насколько ты не годишься для этих игр? Именно поэтому тебя и убьют. Вот почему я решила поговорить с тобой. А то так и будешь хандрить в четырех стенах, в этом чулане, куда они тебя запихнули. А потом придет Кассий Беллона, возьмет нож и воткнет его вот сюда... – она проводит по моей груди длинным ногтем, обводя контуры сердца, – и наконец-то преподнесет матери вожделенный ужин!

– И что же ты предлагаешь?

– Для начала перестань быть засранцем, – улыбается она, протягивая мне чип.

С жадностью хватаю тонкий металлический прямоугольник, но Виктра не выпускает его из рук, притягивая меня к краю фонтана, и я оказываюсь у нее между ногами. Приоткрывает рот, едва заметно проводя языком по верхней губе, и шарит взглядом по моему лицу, смотрит в глаза, пытаюсь завести меня. Но тут у нее нет шансов. Я отстраняюсь, и она разжимает пальцы с кошачьим мурлыканьем. Провожу чипом по планшету, и на экране появляется реклама какой-то таверны.

– Она находится за территорией цитадели, – говорю я.

– И что дальше?

– А дальше считай, что сезон охоты за моей головой уже открыт.

– Тогда не афишируй свой уход.

– Сколько они тебе заплатили? – спрашиваю я, делая шаг назад.

– Думаешь, это подстава?!

– А разве нет?

– Нет!

– Откуда мне знать, что ты говоришь правду?

– Большинству людей правда не по карману, а я вполне могу себе это позволить!

– Ах, ну конечно! Как я мог забыть! Ты же никогда не лжешь!

– Я из рода Юлиев! – Виктра медленно встает, и я вижу, как гнев поднимается в ней, словно готовый к удару хлыст. – Моя семья зарабатывает на торговле столько, что может позволить себе покупать континенты! Кто в состоянии купить мою честь? Если... если в один прекрасный день я стану твоим врагом, то сообщу тебе! Да еще и объясню, почему сделала такой выбор!

– Все говорят правду, пока их не поймают на лжи.

Она смеется низким, грудным смехом, и я внезапно ощущаю себя зеленым юнцом, вспоминая, что она на семь лет старше меня.

– Тогда оставайся здесь, Жнец! Доверься судьбе! Доверься своим так называемым друзьям! Прячься до тех пор, пока кто-то не выкупит твой контракт, а потом молись о том, чтобы покупатель не преподнес тебя Беллона на блюдецке!

– Ну, если ты настаиваешь, – соглашаюсь я, взвесив все за и против.

* * *

– Полковник Валентин? – обращается Виктра к одному из серых, ростом пониже.

Охранники ждут нас у входа в челнок. Настоящая консервная банка! В жизни не видал такого задрипанного флаера – просто груды металлолома, формой напоминающая башку рыбы-молота. Настороженно окидываю взглядом второго серого, того, что повыше.

– Да, госпожа. – Валентин кивает своей квадратной головой выверенным до миллиметра движением человека, который поднялся высоко, но знает свое место. – Вы уверены, что за вами не было слежки?

– Уверена на все сто, – отвечает Виктра.

– Тогда нам не стоит медлить с отправлением.

Вслед за Викторой сажусь в челнок, оглядывая территорию за нашими спинами. Едва покинув пределы виллы Августуса, мы надеваем плащи-невидимки. Проносимся через десяток тайных коридоров, шесть допотопных гравелифтов, а потом оказываемся в пыльной, редко используемой секции взлетных площадок цитадели. Здесь Теодора покидает нас. Она хотела пойти с нами, но я не хочу брать ее с собой в то место, куда мы направляемся.

Серый офицер сканирует нас с Викторой на наличие вирусов и разрешает посадку.

Дверь корабля скользит в сторону и закрывается у нас за спиной. В тесном пассажирском салоне челнока, кроме нас, еще двенадцать здоровенных серых. Впрочем, не элитные бойцы, простые ремесленники теневого мира.

Несмотря на наличие определенных стандартов, представители одного цвета отличаются друг от друга в силу человеческой генетики и различий экосистем внутри Сообщества. Серые с Венеры обычно более темнокожие и низкорослые, чем их соплеменники с Марса, но ведь и семьи, случается, меняют планету жительства. Уровень одаренности среди представителей каждого цвета еще более разнообразен, чем внешность. Большинство серых годятся лишь на то, чтобы патрулировать торговые центры и городские улицы. Некоторые из них идут служить в армию, другие попадают в шахты. Однако есть среди серых и такие, кто отличается особо дурным нравом и острым умом, – их с детства учат охотиться на золотых врагов их золотых хозяев, к этой категории принадлежат и наши попутчики. Они называют себя ищейками – были когда-то на Земле такие охотничьи собаки-полукровки, поразительно выносливые, хитрые и быстрые. Их натаскивали на убийство существ более крупных, чем они сами.

– Мы направляемся в Затерянный город, а вас всего двенадцать? – спрашиваю я, прекрасно понимая, что сопровождающих более чем достаточно.

Просто не люблю серых, вот и все. Не могу отказать себе в удовольствии подразнить их.

Они молча разглядывают меня со сдержанностью почтенного семейства, которому на дороге встретился незнакомец. Валентин – глава этого родственного клана. Он напоминает кубик грязного льда, высеченный ржавым лезвием: темное от загара лицо, бегающие глазки. Его лейтенант Сун-хва наклоняется к нам, крепкая и узловатая, словно оливковое дерево.

Оба они, судя по всему, родились на Земле – их выдают черты лица, характерные для континента. Эти серые не носят треугольных знаков Легиона Сообщества на гражданской одежде.

– Наша задача – защищать вас, господин, – говорит Валентин, пока Сун-хва заряжает необычный циркулярный импульсовик, пристегнутый к тыльной стороне левого запястья, – похоже, плазменный. – Моя команда разработала безопасный маршрут. Ориентировочное время в пути: двадцать четыре минуты.

– Если Плиний узнает, куда я собрался, или Беллона пронюхают, что я вышел за пределы цитадели...

– Ишейки в курсе дела, – успокаивает меня Виктра.

– А где их знаки? Они что, наемники?

– Просто мы достаточно хороши в своем деле и поэтому до сих пор живы, господин, – без всякого выражения произносит Валентин. – Мы готовы к любым неожиданностям. Разработан план действий в экстренных ситуациях, задействована группа поддержки.

– Сколько человек?

– Достаточно. Мы просто перевозчики, господин, – отвечает Валентин, и на его лице возникает некое подобие улыбки, так что я верю ему на слово. – Куда большей проблемой, чем Беллона, являются другие заинтересованные лица, готовые воспользоваться неожиданным случаем. Там, куда мы направляемся, будет чертовски много разных заинтересованных лиц, господин. А это увеличивает риски. Сун-хва?

– Переоденьтесь, – коротко говорит Сун-хва монотонным скрипучим голосом и бросает мне пакет с неприметной одеждой. – С вашим ростом мы ни черта поделать не можем, а вот быстренько перекрасить – вполне! – А вам, госпожа, – поворачивается она к Виктре, кидая ей другой пакет, – мы приготовили кое-что понаряднее!

Виктра со смехом открывает пакет.

– Врубаем двигатели, парни! – командует Валентин, корабль содрогается и поднимается в воздух. – Начали!

Сейсмовибраторы и форсунки находятся в надежных руках. Раздается стальное стаккато, как будто металлические костяшки трещат от ударов, и по кораблю расходится вибрация магнитного поля. Ишейки прячут оружие в потайных кобурах поверх облегающей брони из кожи скарабея. У троих – нелегальные, контрабандные бластеры на запястьях. Надеваю свой скарабей. Он тут же впитывает свет и становится еще более странного черного цвета, словно зрачок. Оттенок напоминает скорее отсутствие цвета, чем цвет как таковой. Эта броня намного прочнее доспехов, которые нам выдавали в училище, ее не пробьет ни лезвие, ни проекционное оружие, вроде обычных импульсных излучателей.

Корабль начинает трясти. Реактивные двигатели приведены в вертикальное положение.

– Талон и Минотавр, внимание! Икар пошел! – скрипучим голосом произносит Валентин в рацию. – Повторяю: Икар пошел!

7

Нелюбимый сын

У Луны нет темной стороны. По крайней мере – по-настоящему темной. Все плавает в свете миллионов оттенков, которые переливаются и отражаются от стальной, покрытой трещинами кожи луноскребов. Извивающиеся трамваи и воздушные магистрали, светящиеся коммуникационные центры, переполненные рестораны и аскетичные полицейские участки вплетены в металлический эпидермис города, словно кровеносные сосуды, нервные окончания, потовые железы и волосные луковицы.

Быстро пролетаем над районами золотых, минуя верхние зоны города, наводненные челноками и гравиботами, – патриции спешат в оперные залы на верхних уровнях башен высотой в километр. Нырять ниже, проносясь мимо зажиточных кварталов серебряных и медных, лавируем между винтовыми аэролестницами и аэропоездами, мчимся над районами для среднего класса, где живут желтые, зеленые, синие и фиолетовые, а затем оказываемся в нижнем ярусе. Здесь нашли пристанище низшие цвета – серые и оранжевые.

Корабль опускается все ниже и ниже, в самое чрево города, где корнями в землю уходят гигантские лианы свай, на которых стоит весь город. Мириады представителей низших цветов едут сюда на общественном транспорте со своих заводов, возвращаются в квартиры без окон – крошечные клетушки площадью не более трех квадратных метров. Там можно разве что кровать поставить, да и то с трудом. Грязные, переполненные машинами бульвары задыхаются от выхлопных газов. Чем глубже мы опускаемся, тем меньше становится фонарей, больше замызганных построек и странных животных, зато граффити тут потрясающие. Краем глаза замечаю серого полицейского, который арестовывает бурых вандалов, нарисовавших на стене жилого комплекса изображение повешенной женщины – моей жены – высотой в десять этажей, с огненно-рыжими волосами, исполненными цифровой краской. В груди все сжимается, и стены, возведенные мной вокруг воспоминаний об Эо, начинают рушиться. Сотни раз я видел это изображение, легенды о ее самопожертвовании разлетелись по разным городам, по всем уголкам света. Однако каждый раз я ощущаю почти физическую боль, нервные окончания в груди подрагивают, сердце выскакивает, челюсти непроизвольно сжимаются, а в горле встает ком. Жизнь – жестокая штука, но изображение моей погибшей жены стало для многих символом надежды.

Сюда не посмеет сунуться никто из наших врагов. Тут нет ни лишних ушей, ни лишних глаз. Здесь процветают преступные синдикаты, ведущие постоянную борьбу за территорию, право убивать, грабить и торговать наркотиками. Мой загадочный друг захотел встретиться в настолько уединенном месте, что с ним не сравнится ни одно другое. Волнуюсь, понимая, что игра явно пойдет не по правилам. Но Виктра права, а Рок ошибается: терпеливое ожидание добра мне не принесет, надо рискнуть!

Команда ищеек прочесала выбранный для посадки заброшенный гараж и выставила караульных. Они обеспечивают безопасность челнока, пока отряд Валентина сопровождает меня из гаража на грязную улицу. Непролазные переулки, заваленные мусором, похожи на нужник. Густой влажный воздух пропитан сладковатым запахом гниения и сажи, исходящим из мусорных баков. Уличные торговцы выкрикивают цены на свои товары, стоя на потрескавшихся асфальтированных тротуарах, кишках красными, бурыми, серыми и оранжевыми всех мастей – беспризорниками, инвалидами, рабочими, бандитами, торчками, матерями и отцами, попрошайками и калеками, детьми. Одним словом – пропащими душами.

Эо сказала бы, что благодаря этому аду они смогли построить свой рай, и оказалась бы совершенно права. Смотрю вверх, на жилые дома высотой метров в пятьсот, на серую дымку выхлопных газов, которая служит потолком этим бетонным джунглям. Пространство над голо-

вой исчерчено линиями бельевых веревок и электропроводов. Полная безнадега. Здесь нужно изменить все, от начала до конца!

Встреча назначена в месте под названием «Берлога полуночников». На огромном, высоком здании таверны мигает красная неоновая вывеска, покрытая засаленными граффити. Пятнадцать открытых уровней нависают над центральным питейным залом, где стоят столы и кабинки, обшарпанные от постоянного наплыва посетителей. Раздается звон бутылок и стаканов, плеск бухла. Темно-синие и розовые огоньки мигают на пятнадцатом этаже, где выступают танцовщицы, с которыми клиенты могут уединиться за отдельную плату. Мы с Валентином проходим мимо двоих громил с биомодифицированными лапищами. Один из них, черный, бледен, словно мрамор, руки у него потолще моих, второй – темнокожий серый, с встроенным в плечо импульсовиком.

Остальные серые один за другим через равные промежутки времени входят в таверну вслед за мной. Некоторые из них в линзах, пытаются сойти за представителей других цветов. На одной даже надета биомаска, благодаря которой ее ни за что не отличишь от какой-нибудь розовой милашки. Догадаться, что это цифровая иллюзия, невозможно – разве что поднести к ее лицу магнит. Вся группа чувствует себя в этом заведении как дома. Не могу похвастаться тем же, несмотря на то что они замаскировали меня под черного.

Знаки на моих запястьях прикрыты эндопротезами с символикой черных. Волосы стали белыми, глаза – черными. Кожа на несколько тонов бледнее. Мы с Викторой слишком высокие, чтобы нас могли принять за представителей других цветов. К счастью, черные тоже захаживают в это заведение, хоть и не так часто, как другие плебеи. Следую за Валентином к нише в дальней части зала, где за столиком сидит молодой мужчина. Его загораживают своими спинами телохранители, один из них черный. В оцепенении глядя на него, я вижу, как он встает из-за стола и пересаживается за соседний. Остальные провожают его взглядом, а потом как ни в чем не бывало снова утыкаются в свои стаканы – словно водоплавающие птицы, мимо которых только что проплыл крокодил. Черный на фут выше меня. Его лицо покрывает татуировка с черепами. Меченый!

Да, как тут не узнать. Вот и вся маскировка...

– Лучше править в аду, чем прислуживать в раю? – спрашиваю я у развалившегося на стуле мужчины.

– Будет тебе, Жнец! Даже Мильтон понимал, что Люцифер тот еще сукин сын, – загадочно улыбается он и жестом приглашает меня сесть напротив. – Хватить нависать надо мной, как скала!

Он даже не потрудился замаскироваться.

– А я-то думал, что друг окажется новым, – вопросительно смотрю я на Виктру.

– Ну, вы с ним никогда не были друзьями. Так что теперь все будет по-новому. Ладно, мальчишки, развлекайтесь!

– Ты не останешься? – спрашиваю я.

– Я проводила тебя до дверей, а дальше уж ты как-нибудь сам, – со смехом отвечает Виктор, игриво щиплет меня за задницу и, грациозно покачивая бедрами, исчезает в толпе.

Шакал смотрит ей вслед, слегка подавшись вперед.

– А я думал, что женщины тебя не интересуют.

– Да я и в гробу не смог бы оценить ее по достоинству! Но что я тебе рассказываю, ты же много месяцев провел в космосе. Весь корабль был в твоём распоряжении, ну чем там еще заниматься?

Сажусь напротив него. Он протягивает мне бутылку зеленоватого пойла.

– Нет, – качаю головой я, – если уж пить, так только для того, чтобы забыть о людях вроде тебя.

– Опа! Цитируешь Аркоса, если я не ошибаюсь? Одно из лучших оскорблений Лорна, хотя и остальные тоже вполне себе.

Он молча смотрит на меня с загадочным видом. Лицо не выражает ровным счетом ничего. Глаза – все равно что гладкие, истертые временем монеты. Волосы песочного цвета. Единственной рукой он с бешеной скоростью вращает пальцами золотой стилус, похожий на быстро скачущее по растрескавшейся земле насекомое.

– Шакал из дома Августусов и Жнец с Марса снова вместе после долгой разлуки. Как же низко мы пали!

– Место встречи выбирал ты, – напоминаю я.

Он убирает стилус за ухо, берет с блюда куриную ножку и зубами сдирает с нее кожу.

– Тебе здесь неуютно?

– С чего ты взял? Нам обоим прекрасно известно, что ты предпочитаешь полумрак.

– Сколько же в тебе гордыни, Дэроу Андромедус! – внезапно смеется он, и его смех похож на пронзительное завывание собаки, которую ткнули ножом. – Все родственники мертвы, да и при жизни мало чего стоили! Серая посредственность, родители даже не попытались ввести тебя в общество. Друзей не осталось. Пока ты каким-то чудом не поступил в училище, никто о тебе и слыхом не слыхивал. Но тебе дали шанс, и ты вознесся!

– Что ж, смотрю, ты все так же любишь потрепаться, – бормочу себе под нос я.

– А ты все так же любишь наживать врагов.

– Каждому свое, – отзываюсь я, разглядывая обрубок, красующийся на месте его правой руки. – Тебе так нравится привлекать всеобщее внимание? Ты, наверное, единственный среди золотых, кто решил не обзаводиться новой рукой.

– Жнец, я бы на твоём месте не стал хамить! От твоей репутации камня на камне не осталось. Банковские счета пусты. Ах да, – с довольным видом продолжает он, заметив мое недоумение, – ты разве не знал? Если Плиний решает подрезать кому-нибудь крылышки, то делает это со знанием дела. Он снял все деньги с твоих счетов, так что у тебя за душой ни гроша. И вот ты сидишь на оборотной стороне Луны наедине со мной и по-прежнему нарываешься на грубость!

– Твои люди? – спрашиваю я, окидывая взглядом низшие цвета вокруг нас. – Признаться, я думал, что они вызывают у тебя отвращение.

– А кто сказал, что родители обязаны любить своих детей? – с милой улыбкой вопрошает Шакал. – Они лишь продукт наших золотых чресел, – небрежно бросает он, впиваясь зубами в куриную ножку, разгрызает кость и отшвыривает ее в сторону. – Знаешь, чем я занимался все это время?

– Дрочил в кустах?

– Ну что ты, бог с тобой! Поражение от твоей руки отбросило меня назад, вынужден признать. Ты навредил мне и моим планам. Сестра тоже сильно меня обидела. Вставила кляп, связала и бросила обнаженным к твоим ногам, неслыханно! Это меня очень задело, особенно если учесть, что все дамы и господа нашей высокочтимой касты вдоволь повеселились за мой счет!

– Мы оба прекрасно знаем, что ты не чувствуешь боли, Адриус.

– О, прошу тебя, называй меня Шакалом! В твоих устах имя Адриус звучит как кошачий лай!

Его передергивает, но он тут же с выражением глубокого удовлетворения откидывается на спинку стула, когда бурая с толстыми предплечьями, бледной кожей, испещренной татуировками, и изрытым оспинами лицом выносит из кухни три дымящиеся тарелки и ставит их на стол перед нами.

– Благодарю! – произносит он, забирает себе две тарелки, а я с подозрением поглядываю на третью. – Я не отравитель, – тут же заявляет он. – Сто раз мог отравить отца, если бы захотел, но не стал. А знаешь почему?

– Да, ты ведь так и не получил от него того, что тебе нужно.

– Чего же?

– Его одобрения.

– В чем-то ты прав, – соглашается Шакал, глядя на меня поверх пара, идущего от тарелок. – Мне многие предлагали контракты, но не ради меня самого, а ради имени моего отца. Они презирают меня, потому что я ел своих сокурсников. Какие лицемеры! Что мне еще оставалось делать? Нам велели победить любой ценой, и я сделал все что мог! А теперь они, видите ли, недовольны! Как будто сами такие благородные и никогда не опускались до убийства! Безумие какое-то! – вздыхает он, качая головой. – Да, я мог бы пойти учиться военному делу, как это сделал ты. Мог бы изучать политику в школе политологии на Луне. Мог бы стать неплохим судьей, если бы научился терпеть Венеру. Но я вознесусь и без этих высокомерных убождков. Без всех этих ненужных школ!

– Про тебя разные слухи ходят. Это правда?

– До некоторой степени, – кивает он, поливая лапшу в тарелке красным острым соусом. – Я бизнесмен, Дэрроу. Покупаю. Владею. Создаю. Конечно, многие напыщенные золотые засранцы считают меня просто алчным серебряным. Но я не лорд эпохи заката Европы двадцатого века и прекрасно понимаю, что практичный подход и наличие имущества дают власть. Однако есть вещи куда важнее денег: люди, идеи, инфраструктура. Эти штуки – более коварное оружие, чем всякие космические флагманы и лезвия! – провозглашает он, забавно взмахнув рукой. – Вот скажи, какой смысл иметь корабль, если ты не можешь добыть и привезти продукты питания для своей команды?

– Это место принадлежит тебе? – спрашиваю я.

– В некотором смысле, – оскалившись, улыбается он. – Буду говорить с тобой прямо. Когда мы покинули училище, нам было по восемнадцать. Скоро нам исполнится двадцать. Два года я провел в изгнании и теперь намерен вернуться домой.

– И вести светские беседы с золотыми засранцами? – смеюсь я. – Если ты вообще следил за новостями, то должен знать: я у твоего отца не в чести!

– Следил за новостями... – задумчиво произносит он, переглядываясь с Викторой. – Жнец, я не слежу за новостями, я их создаю! Ты хоть знаешь, какой долей всей индустрии коммуникаций я обзавелся?

– Нет.

– Вот и хорошо, значит я все сделал как надо. Я владею двадцатью процентами. Наша с партнером доля составляет около тридцати процентов. А знаешь зачем? Разумеется, семьи вроде родственников Виктры не считают бизнес грязным занятием. В конце концов, Юлии подвизаются в торговле на протяжении многих веков. А вот к средствам массовой информации почему-то относятся по-другому. Как будто это что-то скользкое и этим может заниматься только Квиксильвер и ему подобные. Зачем же человеку моего происхождения так мараться? Сейчас объясню: представь себе, что средства массовой информации – это как водопровод для города посреди пустыни. Пустыни в переносном смысле, разумеется. В моей власти предоставить лишь тридцать процентов того, что поступает по трубам, однако я оказываю влияние на все сто процентов, поскольку моя вода заражает остальную. Такова природа средств массовой информации. Могу захотеть, чтобы у этого города в пустыне начались галлюцинации. Чтобы его обитатели корчились от боли. А может быть, я хочу, чтобы они подняли восстание? – добавляет он, кладя палочки на стол. – Видишь, все зависит от моего желания.

– И чего же ты хочешь? – спрашиваю я.

– Твою голову, – отвечает он, и наши взгляды скрешиваются, словно стальные пруты, ударяясь друг о друга с такой силой, что все тело пронизывают острые вибрации.

Рядом с ним мне становится нехорошо чуть ли не на физическом уровне, стоит только посмотреть в эти мертвые золотистые глаза. Шакал молод, мой ровесник, однако в нем осталось что-то ребяческое, – кажется, через многовековую историю его касты на меня смотрит любопытный мальчишка. Поэтому Шакал и кажется мне извращенцем. Дело не в жестокости и злости, которыми пышет его взгляд, тут другое. Помню жуткий рассказ Мустанга о том, что ее брат в детстве убил львенка, потому что хотел разглядеть его внутренности и понять, как он устроен.

– Странное у тебя чувство юмора.

– Знаю. Но я рад, что мои шутки до тебя доходят! А то ауреи нынче стали такие вспыльчивые! Чуть что, сразу – дуэль, честь, кровь! А все почему? Да скучно им! Не с кем им драться! Чертовски банальная и занудная история...

– Так ты вроде что-то хотел сказать.

– Ах, ну да. – Шакал проводит рукой по зализанным назад волосам, совсем как отец. – Я пригласил тебя сюда, потому что Плиний – мой враг. Он очень сильно усложнил мне жизнь. Даже в мой гарем пробрался. Знаешь, сколько его шпионов я уже убил? Слуг приходится менять как перчатки... Ты не думай, я не жалуясь, – быстро добавляет он.

– А я уж было решил, что жалуешься.

– Ты сможешь действительно помочь мне, но только в том случае, если поймешь тонкости моего положения. В данный момент Плиний решает, кто в фаворитах у папочки. Нашептывает ему на ушко, змея подколотная! Кстати, Лето – его ставленник, ты в курсе? – спрашивает он, и я отрицательно качаю головой. – Он нашел этого чудо-мальчика, понял, что тот сумеет растопить ледяное сердце моего отца, потому что очень похож на моего умершего брата Клавдия. Итак, Плиний занялся его обучением и подготовкой, а потом убедил отца взять его на попечение – конечно же, чтобы впоследствии тот объявил Лето своим наследником. И тут в ритме вальса в нашу жизнь врывается ты, и все планы Плиния летят к чертовой матери! Он потратил два года на то, чтобы избавиться от тебя, и в результате у него это получилось. Точно так же он поступил и со мной. Теперь Лето станет наследником отца, а Плиний будет хозяином Лето. Вот такая история.

Я потрясен. Конечно, с Плинием шутки плохи, но я и не подозревал, что он настолько опасен.

– И что ты собираешься делать? – окидывая взглядом зал, спрашиваю я. – Вновь завоевать благосклонность отца с помощью плебеев, которые по твоему знаку схватятся за вилы?

– Как золотой, получивший приличное образование, ты наверняка в курсе, что в Затерянном городе всем заправляет некий преступный синдикат. Огромная криминальная лига, следы которой ведут далеко вверх и теряются где-то рядом с кабинетом верховной правительницы нашего скромного Сообщества. Октавия Луна многим кажется образцом золотой добродетели, но на самом деле она – мастер грязных делишек: на ее счету заказные убийства, организации рабочих забастовок на территориях ее собственных лордов-губернаторов, тайные встречи. В Затерянном городе она занимается тем же, что и все. Октавия и ее фурии лично отбирали членов руководства преступного синдиката, эта троица – творение ее рук. Но сейчас будет самый смак, готовься! Мне удалось выйти на некоторых членов организации, которые... ну как тебе сказать... обеспокоены сложившейся ситуацией.

– Им не нравится Луна? – хмурюсь я.

– Да она та еще сучка! Плюнула в лицо моему отцу и стала крутить шашни с семьей Беллона, но дело не в этом. Людям, о которых я говорю, на все это вообще чихать. Они из низших цветов, Дэрроу, и больше всего на свете хотят взобраться на самый верх этой кучи дерьма.

– Но почему Затерянный город? – спрашиваю я. – Почему именно здесь?

– Ну, это лишь крошечный элемент головоломки. Я собираюсь помочь этим амбициозным низшим цветам подняться наверх, однако не бесплатно. Когда они придут к власти, то положат конец самой страшной чуме, мучающей наше Сообщество: Аресу и его Сынам.

8

Альянс

– Сыны Ареса? – переспрашиваю я, холодея. – Неужели они и правда представляют собой настолько серьезную угрозу?

– Пока нет, но за этим дело не станет, и верховная правительница прекрасно это понимает. Как, впрочем, и мой отец. Просто сейчас считается дурным тоном говорить об этом вслух. Сообщество и раньше сталкивалось с террористическими ячейками. Несколько хорошо обученных убойных отрядов – и финита ля комедия. А вот с Сынами Ареса все далеко не так просто. Они не крысы, кусающие нас за пятки, а, скорее, колонии термитов, медленно, но верно подтачивающие наш фундамент. Действуют тихо и незаметно, и, когда их работа будет завершена, дом рухнет и погребет нас под своими стенами. Мой отец поручил Плинию уничтожить Сынов, но политику это не удалось и не удастся: во-первых, Сыны Ареса умны, во-вторых, мои средства массовой информации привлекают к ним внимание. Рано или поздно настанет день, когда они начнут внушать Сообществу, верховной правительнице и моему отцу настоящий ужас, когда сама управленческая система начнет давать сбои, и тут я выйду из тени и скажу: «Я исцелю вас от этой чумы за три недели». А потом с помощью моих средств массовой информации, с помощью наемных убийц из синдикатов я перебую всех Сынов, а ты торжественно обезглавишь самого Ареса!

– Хочешь сделать из меня марионетку?

– Видишь ли, я не хорош собой, мной не восхищаются окружающие, а вот ты похож на завоевателей былых лет: харизма и добродетель! Глядя на тебя, люди не увидят ни тени декадентского распада нашей жалкой эпохи, не заметят политической грязи, которой замарался дом Луны с тех пор, как захватил власть. Все будут смотреть на тебя и видеть дарующий очищение меч, рассвет грядущего дня, новый золотой век!

Да, сынок весь в отца. Оба хотят расправиться с Сынами Ареса схожими способами. Мурашки по спине бегут, если представить, какая бойня начнется между головорезами синдикатов и агентами Ареса. Сынам в такой битве не выжить.

– Сыны Ареса – всего лишь начало, отправная точка. Ведь ты хочешь власти, правда, Шакал?

– А чего еще можно желать?

– Но Марса тебе недостаточно...

– Если я ростом не вышел, то это не значит, что мне не дано высоко подниматься в своих мечтах! Мне нужно все или ничего, поэтому я готов идти до конца, чтобы получить желаемое. Готов даже поделиться с другими.

– Полагаю, ты не в курсе одной забавной истории, случившейся пару месяцев назад. Спроси у любого золотого, они тебе расскажут. Ты узнаешь, что семья Беллона сделала со Жнецом с Марса. Нет у меня больше репутации! Все надо мной смеются!

– Кассий был опозорен, – раздраженно парирует Шакал. – Его все презирали. Поражение в училище. Позор. И что? Кто он теперь? Самый опасный дуэлянт на Луне! Он бросал вызов каждому, кто осмеливался поставить под сомнение его достоинство, а теперь стал любимчиком верховной правительницы! Ты в курсе, что старая ворона собралась сделать его всадником-олимпийцем? Лорн Аркос и Венеция Рейн в этом году ушли в отставку, значит места Рыцаря Гнева и Рыцаря Зари свободны.

– Она сделает его одним из двенадцати?!

– Он лишь пешка в ее игре, – наклоняется ко мне Шакал, – а вот я устал быть пешкой в руках старших!

– Я тоже! Как будто они нас розовыми считают! – горячо поддерживаю его я.

– Так давай же вознесемся вместе! Я стану скипетром, а ты – мечом!

– Ты не будешь делиться властью. На тебя это не похоже.

– Я сделаю то, что должен. Не больше и не меньше. Мне нужен полководец. Я стану Одиссеем, а ты – Ахиллесом.

– Ахиллес в конце погибает.

– Тогда не повторяй его ошибок!

– Идея неплохая, – медленно произношу я, глядя, как лицо Шакала расплывается в улыбке. – Есть только одна проблема, Адриус. Ты социопат. Ты не просто делаешь то, что должен, а надеваешь любые маски, притворяешься кем угодно и меняешь личности как перчатки. Как я могу доверять тебе? Ты убил Пакса. Моего друга, защитника твоей собственной сестры, – добавляю я и умолкаю.

– Мы с Паксом не были знакомы. Для меня он был лишь препятствием на пути. Разумеется, я слышал о доме Телеманусов, но после того, как Клавдию вышибли мозги, отец разлучил нас с Мустангом, чтобы защитить. Меня поместил в еще более строгую изоляцию, чем ее. Я был его наследником. У меня не было друзей, только наставники. Он лишил меня детства и юности. А потом просто взял и избавился от меня, точно так же, как от тебя! Просто потому, что мы проиграли! Мы с тобой – словно зеркальные отражения друг друга!

На уровне выше нас начинается драка. Раздается выстрел. Телохранители бросаются вперед, хватаясь за оружие. Большинство гостей даже не шелохнулись, как будто ничего не произошло.

– Что насчет твоей сестры? – колебавшись, спрашиваю я, в глубине души понимая: придется согласиться на его предложение, поскольку у меня нет другого выбора.

– Хочешь узнать, как она поживает? – невозмутимо интересуется он. – С кем делит постель? Спрашивай, у меня есть ответы на все вопросы. Я вижу все!

– Этого я знать не хочу, – качаю головой я, пытаюсь не думать о том, что она может делить постель с кем-то, кроме меня, и радоваться кому-то другому, хотя вполне этого заслуживает. И вообще, мне неприятна сама мысль, что Шакал в курсе таких вещей. – Она участвует в твоём плане?

– Нет, – мрачно рассмеявшись, отвечает Шакал. – Знаешь, она же теперь с Луной! И смех и грех, честное слово! Кто бы мог подумать, что из нас двоих именно она окажется блудной дочерью? Или переплюнет меня, по крайней мере...

– Она не должна пострадать. Если с ней что-то случится, я тебе глотку перережу, – спокойно сообщаю ему я.

– Фу, как агрессивно! Но черт с ним, договорились! Значит, ты в деле?

– Я в деле с того момента, как принял предложение Виктры и отправился сюда. У меня нет выбора, и ты это прекрасно знаешь. Никто другой не вызвал бы меня сюда для разговора. Все пришло к логическому завершению.

Мы пожали друг другу руки, словно друзья. Всю свою жизнь Шакал когтями и клыками боролся за право на жизнь. Смотрю на него, такого маленького и незаметного в мире богов, и он кажется мне почти что героем, благородно сражающимся с отвергнувшим его отцом, с членами Сообщества, которые смеются над его ростом и слабостью, обзывают его каннибалом, хотя сами приказали ему идти на все ради победы. Мы с ним странным образом похожи. Он мог бы сделать себе протез, но не стал, сочтя отсутствие руки знаком отличия, а не позорной меткой.

Поэтому я сыграю в его игру. А потом, когда все закончится, убью его. Пакс будет отомщен.

– Чудесно, Дэрроу, чудесно! – широко улыбается он.

– Что дальше? – спрашиваю я. – Ты ведь наверняка хочешь от меня чего-то прямо сейчас.

– Есть один золотой, Фенсор Друзилла. Ему стало известно о моем... сотрудничестве с синдикатами. Пытается меня шантажировать. Ты должен его убить.

– Когда? – Я и бровью не повел.

– Через неделю, не раньше. Уничтожив его, мы окажемся в почете у родни верховной правительницы, он кое-кого, скажем так, оскорбил. Убей Фенсора, и попадешь в фавориты.

– Постой, – едва сдерживая я смех, – ты что, хочешь, чтобы я стал каким-то галантным эльфом? Порхал при дворе и укладывал дамочек в постель? – спрашиваю я, а сам думаю: Мустанг наверняка решит, будто все это ей назло.

– А кто говорил про дамочек? – недоверчиво вглядывается в мое лицо Шакал.

– Ах вот оно что... Родня – это мужчина? Дело принимает серьезный оборот... Слушай, ну для таких фокусов тебе лучше было нанять Тактуса.

– Нет, что ты! – неожиданно хихикает Шакал. – Ты справишься! Но об этом позже. Пока можешь расслабиться. Я выкуплю твой контракт через третье лицо, как только его выставят на аукцион.

– Беллона тоже будут пытаться купить меня.

– У меня есть напарник. Мы их переиграем.

– Виктра?

– Нет. Она скорее посредник. Ты пойми, Виктра, она не совсем... ну как бы это сказать... не партизанка она, в общем. Просто любит навести шухер. А вот с моим напарником ты скоро познакомишься.

– Так дело не пойдет! Хочу познакомиться с ним прямо сейчас, я тебе не марионетка! Я рассказываю тебе все, что знаю, поэтому, будь добр, поступай так же!

– Это нечестно, я же знаю гораздо больше тебя! Хотя ладно, будь по-твоему! Увидишь его сегодня. Не то чтобы я тебе не доверял... просто я думаю, что ему лучше представиться тебе самостоятельно.

– Ладно, с этим решили. Еще мне нужны упыри. И Севро.

– Заметано. А еще тебе надо выбрать мастера меча, кто-то должен поднатаскать тебя во владении лезвием. В будущем потребуются, чтобы ты убил несколько человек у всех на виду.

– Я умею пользоваться лезвием.

– А люди, знаешь ли, другое говорят. Да ладно тебе, чего тут стыдиться! У меня есть несколько человек на примете. Жаль, что Аркос не дает уроков. Сейчас у меня хватило бы денег на Каменного Рыцаря и его стиль гибкой ивы...

Он умолкает, отворачивается и пристально смотрит на изящную женщину, которая пробирается через дым, стоящий в таверне коромыслом, словно капелька янтаря, падающая в туман. От ее кожи пахнет миндалем, а от губ – цитрусовыми. Красавица грациозно подходит к нашему столу, жаркая и томная, словно воздух на летних пляжах Венеры. Кости хрупкие, точно у пташки. На ней черное неглиже, закрывающее все тело, кроме обнаженных плеч.

Ловлю ее взгляд и чуть не падаю со стула, сраженный в самое сердце. Пульс учащается. Это она! Крылатая девушка, которая не умела летать! Но как... Видимо, сбежала от Микки. От крыльев не осталось и следа, девочка превратилась в женщину. Что Эви здесь делает?! Ее послали Сыны Ареса? С трудом сохраняю самообладание. Однако она меня не узнала.

– А я и не думал, что среди сорняков растут такие... розы, – мурлычет ей Шакал.

Она звонко смеется, и мне кажется, будто бабочка трепещет крылышками. Эви проводит рукой по краю стола и пожимает плечами:

– Обычные мужчины не могут себе позволить необычные вещи. Но до моей хозяйки дошли слухи, что в Затерянном городе появилась парочка необычных мужчин, поэтому меня прислали в качестве... подарка.

– Ах вот оно что, – одобрительно смотрит на нее Шакал. – Девочка синдиката. Вебонна, так? – спрашивает он. Эви кивает. Шакал переводит взгляд на меня и принимает мое изумле-

ние за страстное желание. – Отведи ее наверх, Дэрроу! За мой счет. Считай это дружеским подарком. Скажи, если захочешь купить ее. Дела обсудим завтра.

Услышав мое имя, Эви на минуту теряет присутствие духа, делает шаг назад, и я замечаю, что ее дыхание становится сбивчивым. Наши взгляды снова встречаются. Ясно, теперь она разглядела под личиной черного меня настоящего, алого, погребенного под тоннами лжи. Однако, раз она удивлена, значит пришла сюда не ради меня, а ради Шакала. Почему? Она работает на Сынов Ареса? Или Микки продал свою любимицу гангстерам Вебонны?

– Я не работаю с рабами, – произносит Эви, показывая на знаки черных на моих запястьях.

– Поверь мне, этот раб тебя приятно удивит.

– Но, господин, я...

Шакал хватает Эви за руку, резко выкручивает и шипит ей на ухо:

– Заткнись и делай, что тебе говорят, девочка! Иначе мы возьмем то, что тебе не захочется отдавать!

Ослепительно улыбнувшись, он отпускает ее. Эви вся дрожит и потирает запястье. Розовым так легко причинить боль.

– Думаю, дальше я справлюсь сам, друг мой, – вставая, говорю я.

– Не сомневаюсь, приятель, не сомневаюсь!

Взмахом руки отсылаю телохранителей, которые пытаются пойти за мной, и поднимаюсь вслед за Эви по аэролестнице, ведущей на четвертый этаж. Кое-кто из местных завсегдатаев улюлюкает нам вслед. И тут мой взгляд падает на один из видеоэкранов над баром. Там, в трехмерном изображении, показывают взрыв. Кажется, кафе. Кафе для золотых! Широко раскрываю глаза, увидев, каков масштаб нанесенного ущерба. Неужели это Сыны?!

На втором экране мелькает сцена другого теракта. Потом еще одна, и еще, и еще... Более десятка взрывов полыхают на экранах, висящих по всей таверне. Все разом поворачиваются к ним и умолкают. Эви сжимает мою руку, и теперь я точно знаю, что взрывы устроили Сыны Ареса. Они послали ее сюда. Но почему на Луну? Почему к Шакалу? Почему не вышли на связь со мной?

– Скорей! – торопит меня она, когда мы минуем пятнадцатый этаж.

Эви тащит меня через розовые огни, мимо танцовщиц и жадно взирающих на них громил, к последней двери в конце узкого коридора. Заходим в темную комнату, и в нос тут же бьет едкий запах масла для импульсовика. Позади едва заметно колыхнется воздух, и в помещении возникает человек в плаще-невидимке. Мне приходится взять себя в руки, чтобы не поддаться инстинктивному желанию убить его.

– Он свой! – резко бросает ему Эви, включает свет, и я вижу шестерых алых в тяжелых армейских плащах и демощлемах с оптикой высокой точности. – Вызывайте гидроплан!

– Это не Адриус Августус! – рычит один из них.

– Это хренов черный!

– Станный он какой-то, – подсказывает ко мне другой алый, глядя на меня через опто-прицел. – А плотность кости-то, как у золотого!

– Хватит! – орет на них Эви. – Это друг! Гармони давно разыскивает его!

Гармони? Не Арес?! Не Танцор?!

– Ты пришла не за мной, – говорю я, разглядывая их оружие. – Ты охотилась за другой добычей.

– Потом тебе все объясню, – поворачивается ко мне Эви, – а сейчас надо быстро уходить!

– Что ты сделала? – спрашиваю я, пока один из алых достает плазмофакел и прожигает в стене дыру, через которую врывается городская вонь.

Комната тут же наполняется влажным воздухом и светом, к нам спускается крошечная капсула, боковая дверь с шипением отъезжает прямо напротив проделанной в стене дыры.

– Дэрроу, потом! Сейчас нет времени!

– Эви, зачем ты пришла сюда? – Я хватаю ее за руку.

– Адриус Августус убил пятнадцать наших братьев и сестер! – победоносно сверкая глазами, заявляет она. – Меня послали взять его в плен или убить! Я выбрала второй вариант, и через двадцать секунд он сгорит дотла!

Срываю планшет с руки одного из алых и активирую свои скрытые под маскировкой гравиботы. Эви что-то кричит мне. Гравиботы с истошным скрипом несут меня по воздуху, я мчусь вниз, вышибаю дверь, пролетаю по коридору, словно адская летучая мышь. Отталкиваю кого-то из танцовщиц, сбиваю с ног двоих оранжевых клиентов, а потом бросаюсь через перила прямо к столику Шакала, который подносит к губам рюмку с ликером. Меченый замечает меня, и серые тоже, но уже слишком поздно.

С экранов, где до сих пор показывают кадры взрывов, вдруг раздается треск, идут помехи и загорается изображение кроваво-красного шлема.

– Что посеешь, то и пожнешь! – гремит голос Ареса из дюжины висящих в зале колонок.

Стол в долю секунды плавится под рукой Шакала – взорвалась бомба, которую туда заложила Эви. Меченый отшвыривает Шакала в сторону, как тряпичную куклу, и накрывает своим огромным телом ядерный гриб. Перед смертью его губы шевелятся и едва слышно произносят: «Skirnir al fal njir».

9

Темная сторона

На месте, где стоял меченый, стремительно разрастается ядерный гриб, телохранитель молниеносно превращается в жидкость, затем она испаряется, и на полу поблескивают лишь крошечные капельки ртути, которые тут же темнеют и становятся первичной материей. В черную дыру засасывает людей, стулья и бутылки, а потом с глухим, кошмарным рокотом раздается взрыв. Подхватываю Шакала за куртку, пролетаю сквозь стену, расшибая ее плечом, через стекло, дерево, металл, барабанные перепонки и человеческие стоны.

Гравитоты вырубаются. Перелетаем через улицу и врезаемся в бетонное здание напротив, а «Берлога полуночников» тем временем скукоживается и рассыпается в пыль, словно виноградина, за долю секунды превратившаяся в изюм. Последняя вспышка адского огня, и на месте таверны остаются лишь присыпанные пеплом руины.

Подо мной без сознания лежит Шакал. Ноги сильно обожжены. Пытаюсь выпрямиться, и меня тут же выворачивает. Кости скрипят, словно ствол молодого деревца после первых порывов ледяного зимнего ветра. Встаю на ноги, но тут же снова валюсь на землю, и меня выворачивает во второй раз. Голова раскалывается. Кровь капает из носа, булькает в ушах. Глазные яблоки жжет после взрыва. Плечо вывихнуто. С трудом привстав на колени, прижимаюсь плечом к стене и вправляю вывих, глухо охнув от боли. Вытираю рвоту с рук и наконец поднимаюсь на ноги. Вваливаю на себя Шакала и вглядываюсь в дым.

Не слышу ничего, кроме стонов собственного вестибулярного аппарата. Как будто у меня в ушах пронзительно верещит стая воробьев. Трясу головой, пытаюсь сфокусировать взгляд и избавиться от пляшущих перед глазами огоньков. Кругом все в дыму. Мимо проплывают люди, огибая меня, словно вода обтекает камень, они спешат на помощь тем, кто оказался на месте взрыва. Зря торопятся, ничего, кроме трупов и пепла, они там не найдут. Ультразвуковые сирены пронзают ночную тишину. Отряды поддержки Шакала спускаются сюда из Верхнего города. Они приземляются, чтобы вытащить его из этого ада. Воробьи в моих ушах умолкают, и я начинаю слышать треск огня и стоны раненых.

* * *

Стою перед заброшенным заводским корпусом, что за четыреста километров от цитадели, в глубине старой промзоны. Поверх фундамента завода уже построены новые фабрики, старое здание не более чем надоевший до смерти глубокий прыщ на их свежей коже. Все перепачкано сажей, повсюду плотоядные лишайники и озера ржавой воды. Я решил бы, что это тупик, если бы похуже знал добычу, на которую охочусь.

Планшет, который я содрал с руки алого, при взрыве не пострадал. Оставив Шакала его людям, кидаюсь по улице к полицейскому челноку серых, запрыгиваю в него и улетаю. Протерев навигатор планшета, быстро просматриваю историю координат, и вот – я здесь.

Громко стучусь в запертую дверь, когда-то служившую главным входом на завод. Ничего. Наверное, уже со страху обосрались. Присаживаюсь на землю и жду, заложив руки за голову. Через несколько минут дверь со скрипом открывается. Внутри темно. Потом на свет выходят несколько человек, связывают мне руки, надевают на голову мешок и вталкивают меня внутрь.

Едем вниз на старом гравифите, потом меня уверенно ведут по коридору в сторону, откуда раздаются звуки музыки. Брамс, Концерт для фортепиано номер два, если не ошибаюсь. Жужжат компьютеры. Сварочные аппараты горят так ярко, что видно даже через мешок.

– Сюда, дикари, отвалите уже от него, – раздается знакомый голос.

– Попридержи язык, клоун! – рычит кто-то из алых.

– Ворчи сколько хочешь, ржавый ты бабуин, но этот парень стоит десяти тысяч таких, как ты...

– Дейлоу, иди отсюда, – ласково говорит Эви, и вскоре раздается звук удаляющихся шагов.

– Ну что, можно уже перестать притворяться? – спрашиваю я.

– Будь так любезен, – произносит Микки.

Со щелчком сбрасываю наручники, которые они на меня нацепили, сдираю с головы мешок. В лаборатории чисто и тихо, бетон и металл, откуда-то льется приглушенная спокойная музыка. В воздухе стоит легкий туман от кальяна Микки, который я замечаю в углу. Я выше его и Эви как минимум на голову.

И тут Эви теряет самообладание. Она уже давно вышла из образа соблазнительной розовой из таверны и просто кидается мне на шею, словно маленькая девочка, неожиданно увидевшая своего дядю, которого считала пропавшим без вести. Обнимает меня, а потом немного отстраняется и смотрит в мои золотые глаза своими розовыми. Несмотря на глупое хихиканье, она очень красива и чувственна. У нее гибкие руки, медленная, интимная улыбка появляется на ее лице. И ни тени сожаления о том, что около двухсот человек сейчас лишились жизни. Крылатая девочка и сама не заметила, как превратилась в стервятника. Интересно, а если бы ей пришлось убить всех этих несчастных голыми руками, она бы так же радостно улыбалась? Как легко совершать массовые убийства...

– Представь только, сразу не узнала тебя! – восклицает она. – Когда я увидела тебя там, за столом... у меня чуть сердце не остановилось! Да еще в этом дурацком черном прикиде! Дэрроу? Что-то не так?

Эви вскрикивает, когда я беру ее за лацканы куртки и прижимаю к стене.

– Ты только что убила двести человек! – качаю я головой, еще не в силах осознать масштаб происшедшего. – Как ты могла, Эви? – трясую ее я, а сам вижу членов моей команды, парящих в космическом пространстве, вижу всех, кого мне пришлось убить на этом пути, чувствую, как пульс Юлиана исчезает под моими пальцами.

– Дэрроу, дорогой... – увещевает меня Микки.

– Заткнись, Микки!

– Да-да... конечно.

– Алые, розовые – низшие цвета! Твой собственный народ! Ты убила их, как будто тебе на них наплевать! Как будто их жизнь гроша ломаного не стоит! – ору я, чувствуя, как у меня дрожат руки.

– Я просто выполняла приказ, Дэрроу! Адриус шпионил за нами. Его необходимо было устранить!

Значит, Шакала все-таки заметили, несмотря на все его ухищрения. В глазах Эви стоят слезы, но меня это совершенно не трогает. Плевать мне на переживания этой девчонки после всего, что она натворила! И все же я отпускаю ее, и она с жалким видом сползает по стене. В глубине души я надеюсь: Эви хотя бы скажет, что ей жаль, и тогда я смогу думать, будто она плачет по тем людям, которых убила, а не из жалости к себе и не из страха передо мной.

– Я совсем не так это себе представляла, – шепчет она, вытирая слезы. – Не так представляла нашу первую встречу!

– Что с тобой произошло? – спрашиваю я, окончательно сбитый с толку.

– У вас с ней были разные учителя, – отвечает за девушку Микки, – я забрал у нее крылья, а Гармони дала ей когти.

– Микки, какого черта у вас тут творится?

– Если начну с начала, закончим через год, – говорит он и внимательно разглядывает меня, скрестив руки на груди. – Во-первых, скажу, что нам тебя очень не хватало, дорогой

принц! Во-вторых, прошу тебя, не думай, что и я пал так низко, как эта заблудшая душа! Полностью с тобой согласен – Эви просто чудовище! Вот-вот, послушай, что тебе умные люди говорят, – добавляет он, сердито посмотрев на девушку. – А в-третьих, – заявляет он, быстро окинув меня взглядом с головы до ног, – ты божественно выглядишь, мальчик мой, просто божественно!

Он внимательно изучает мое лицо, беззвучно шевеля губами, словно разговаривая с самим собой. Резкие черты лица, жирные волосы. Микки скользит вперед, словно лезвие конька по льду. Угловатая фигура, просто кожа да кости! Кажется, когда мы виделись в последний раз, он не был таким худым. Или он просто не при макияже? Моргает медленно, лениво. Ваятель устал, постарел и, похоже, вымотан до предела. Плечи немного напряжены и приподняты, из-за чего он кажется каким-то уязвимым. Будто готов к тому, что его в любой момент могут ударить.

– Я задал тебе вопрос, Микки! – напоминаю ему я.

– Да не могу я думать про лес, не насмотревшись на дерево! Поразительно, как развилось твое тело, дорогой мой, просто поразительно! Ты так вырос! А болевые рецепторы не подводят? Бывает раздражение на коже головы? Помнишь, я все за волосяные луковицы переживал? А мышечная сила? По сравнению с остальными, в среднем, ну как? Достаточно быстро расширяются зрачки? Столько месяцев в сети только о тебе и говорили! Ну, училище нам, конечно, не показывали, но пару-тройку видео в сеть все-таки слили! Ох какие там кадры! Как ты уби-ваешь аурея со шрамом! Захватываешь какую-то странную крепость на небе, словно герой из древних легенд!

Микки в отчаянии цепляется за мое плечо. Его рука куда слабее, чем раньше.

– Расскажи, как ты живешь! Про Академию! Расскажи все-все! А с этой прелестной Виргинией Августус вы все еще любовники? – спрашивает он, но тут же спохватывается. – Ах, ну конечно же нет. Она ведь теперь с...

– Микки, успокойся!

Он смеется так громко, что начинает кашлять, и отворачивается, чтобы вытереть глаза.

– Прости, дорогой! Но как же приятно видеть дружеское лицо! Мне теперь такой роскоши не позволяют. Никогда! Они настоящие чудовища!

– Заткнись, Микки! – перебивает его Эви.

Он переводит взгляд на Эви, которая стоит поодаль, похлопывая рукой по импульсовику на бедре. Наивная, думает, что оружие спасет ее от меня...

– Почему ты на Луне? Что происходит? – спрашиваю я. – Ты присоединился к Сынам Ареса?

– Столько всего произошло, – шепчет Микки, – я здесь не по своей...

– Теперь он работает на нас, Дэрроу, – холодным тоном произносит Эви, – нравится ему это или нет! Его маленькую берлогу разнесли в клочья. Забрали все деньги, которые он заработал, торгуя плотью, купили корабли, добрались сюда и экипировали армию! Мы наконец-то сможем нанести ответный удар, Дэрроу! Наконец-то!

– Розовая террористка и горстка алых, едва умеющих держать в руках огнемёт. Хороша армия, – бросаю я, не глядя на нее.

– Сегодня пролилась кровь золотых, Дэрроу! Ты можешь не уважать меня, но будь добр, прояви уважение к тому, что я сделала! Я убила сына лорда-губернатора Марса! Да кто ты вообще такой, чтобы заявляться сюда и плевать на то, что мы совершили?!

– Ты его не убила, – холодно отвечаю я.

– Что за чушь! – недоуменно смотрит на меня Эви, но замечает мой разгневанный взгляд. – Но как это... А как же бомба? Ты лжешь!

– Я успел вытащить его.

– Зачем?!

– Потому что у меня сложная миссия и он мне нужен! Где Танцор? Кто у вас тут главный? Микки...

– Я главная, – произносит еще один голос из прошлого.

Акцент совсем как у моей жены, вот только голос отравлен горечью и гневом. Оборачиваюсь и вижу в дверях Гармони. Половину лица все так же покрывают жуткие шрамы. Вторая половина холодная и жестокая, а еще Гармони выглядит гораздо старше, чем я помню.

– Гармони, – подчеркнуто вежливо говорю я, понимая, что с годами наши чувства друг к другу не стали теплее, – рад тебя видеть. Мне нужно столько всего вам рассказать, да и порасспрашивать хочется! Где Танцор? – Тут я замечаю, как она многозначительно смотрит на Эви.

– Танцор мертв, Дэрроу.

Потом мы с Гармони садимся за стол Микки в кабинете, заставленном дешевой угловатой мебелью и канистрами с газом-консервантом, в котором парят искусственные органы. Микки склоняется над столом и возится со своим старым любимым кубиком-головоломкой. Ловит мой взгляд и подмигивает. Кажется, ему лучше. Эви стоит, прислонившись к бочке с химикатами. Сам я сижу с совершенно потерянным видом. У Танцора был план. Он все для меня придумал. Он просто не мог взять и умереть. Не мог, и все тут!

– Последним желанием Танцора было, чтобы Микки изваял нам новую армию. Ту, что сможет соперничать с золотыми по скорости и силе. Мы отобрали лучших мужчин и женщин и отдали в руки Ваятеля. Они не смогли бы выдержать такую процедуру, которой подвергся ты, но у кого-то хватило смелости вызваться на новую программу. – Гармони показывает на сотню напоминающих гробы капсул за стеклом, в них – алые нового поколения. – Совсем скоро у нас появится сотня солдат, и они смогут нанести золотым реальный урон!

Как будто сотни солдат достаточно, чтобы справиться с военной машиной золотых... Я с моими упырями разорвал бы в мелкие клочья любую ячейку этих террористов. А ведь есть золотые и пострашнее нас.

У Гармони новая рука, взамен утраченной в схватке с черным при налете на склад боеприпасов. Сделана из металла, текучего и прочного, с приобретенными на черном рынке разъемными для оружия. Хорошая работа, но и в подметки не годится тому, что творит Микки. Конечно, она ни за что не позволит ему работать с собой.

– Так, значит, Микки – пленник? – спрашиваю я.

– Скорее, раб, – слабо улыбается Микки, – они мне даже вина не дают.

– Заткнись, Микки! – прикрикивает на него Эви.

– Эви, остынь. – Гармони смотрит на девушку долгим взглядом, а потом поворачивается к Микки. – Забыл, о чем мы с тобой говорили, Ваятель? Попридержи язык!

Микки морщится, бросая взгляд на ее левую руку. Слева, на поясе, болтается пустая кобура. Вот чего боится Микки. Но при мне Гармони ведет себя прилично.

– Боишься, что он расскажет, как ты его избивала?

– Микки продавал наших парней и девчонок, – пожимает плечами она, не принимая мой вопрос всерьез. – Как можно сделать рабом работоторговца? По мне, так ему вообще повезло, что пулю в лоб не поймал. А могли бы нанять ваятеля, чтоб тот приделал ему рога, крылья и хвост, вот тогда бы мы все увидели его истинный облик. Но я этого не сделала, правда, Микки? Я ведь этого не сделала?

– Нет.

– Нет?!

– Нет, госпожа, – быстро исправляется Микки, и я морщусь от отвращения.

– Танцор всегда уважал его. И я уважаю, несмотря на всю его... эксцентричность.

– Он покупал и продавал людей, – встревает в разговор Эви.

– Все мы грешны, – парирую я, – особенно ты после сегодняшнего.

– А я тебе говорила! Говорила, что он станет хреновым святошей! Как будто сам не нарушает мораль каждый божий день! Зато чудесно находит оправдания для таких извращенцев, как наш Микки, – подмигивает Гармони, как будто эта шутка понятна только ей и Эви. – Подобное ханжество хорошо там, наверху, Дэрроу! Но ты скоро поймешь, что мы тут больше не склонны к компромиссам. Это все в прошлом!

– Значит, Танцор и правда мертв...

– Танцор был хорошим человеком, – произносит Гармони, сделав недостаточно долгую паузу, чтобы проявить должное уважение. – Полгода назад он нанял команду серых ищеек, чтобы нанести удар по коммуникационному узлу и украсть нужные нам данные. Я говорила, что надо всех их убить, как только сделают дело. А Танцор... как же он сказал? А, вот: «Мы не исчадия ада». Но как только капитан серых получил свои деньги, так тут же донес в Главное полицейское управление и выдал им местонахождение Танцора. Они выслали отряд ищеек, и Танцор, а вместе с ним еще двести Сынов Ареса обратились в прах за пару минут! Больше мы таких ошибок не совершаем. Мы не доверяем серым. Не платим фиолетовым. Они веками живут за наш счет. Мы можем положиться только на алых! – завершает она свою речь, и Эви неловко переминается с ноги на ногу.

– В училище был еще один алый, Титус, – помолчав, говорю я и поворачиваюсь к Микки. – Он – один из ваших?

– На меня не смотри, – быстро отвечает тот.

– Как ты узнал, что Титус – алый? – вскидывается Гармони. – Он сам тебе сказал?

– Ну, как бы это объяснить... нет, так вышло. Я сам заметил. Больше никто не догадался.

– Значит, вы нашли друг друга? – спрашивает она без улыбки, но со вздохом глубокого облегчения. – Он был хороший парень. Вы наверняка подружились.

– Он так и не узнал, кто я. Ты его извалял, Микки?

– Нет, дорогой, – взглянув на Гармони, отвечает Микки. – Ты мой первый и единственный, – подмигивает он. – Я консультировал другого ваятеля, моего сотрудника, он взял за основу процедуру, которую я впервые проделал с тобой.

– Танцор нашел тебя, а я нашла Титуса. Хотя когда мы достали его из шахт Фебоса, его звали Арлус. Он не возражал против смены имени.

Неудивительно, что Титуса обнаружила Гармони. Яблоко от яблони...

– Что с ним стало? – спрашивает она. – Мы знаем, что он умер.

Что с ним стало? Я приказал золотому зарыть его тело в землю.

Смотрю на них пустым взглядом. Хорошо, что они не умеют читать мысли. Они вообще ничего не знают. Даже не подозреваю, что они обо мне думаю. Они понятия не имеют, что я делал все это время, кем я стал. Казалось бы, я являюсь частью большого продуманного плана. И что? Ничего. Теперь я понимаю – даже Танцор просто решил попробовать и посмотреть, что будет дальше. Понадеялся на лучшее.

Я ожидал, что меня примут с распростертыми объятиями. Мечтал увидеть боеспособную армию. Узнать великий план. Думал, что Арес снимет свой достославный шлем, ослепит меня своим великолепием и убедит меня, что я верил не напрасно. Черт возьми, мне так хотелось найти своих и избавиться от одиночества. Однако теперь, сидя в комнате с бетонным полом на хлипком пластиковом стуле в компании трех бледных от нехватки солнца людей, я ощущаю себя таким одиноким, как никогда раньше.

– Его убил золотой по имени Кассий Беллона, – говорю я вслух.

– Это была хорошая смерть?

– Думал, ты уже поняла, что хороших смертей не бывает.

– Кассий... Он же твой заклятый враг. Так вот из-за чего Беллона хотят убить тебя? – пылко вопрошает Эви.

– Нет, – отвечаю я, проводя рукой по волосам, – я убил брата Кассия. Поэтому они ненавидят меня.

– Кровь за кровь! – со знанием дела восклицает Эви.

– Сегодня мы нанесли им тяжелый удар, Дэрроу. Двенадцать взрывов на Луне и Марсе. Танзор и Титус отомщены, – произносит Гармони. – А совсем скоро мы нападём снова. Кроме этой ячейки, есть и другие.

Взмах руки над столом, и на дисплее оживают изображения. Фиолетовый ведущий выпуска новостей продолжает бубнить о многочисленных жертвах терактов.

– Думаешь, я восхищен? Да ты ничем не лучше их! Ты и сама это прекрасно знаешь, правда? Какое тебе дело до стратегии? Вы же дразните спящего дракона! Пару часов назад Эви собственноручно убила более сотни представителей низших цветов!

– Там не было алых, – парирует Гармони, – или розовых, – добавляет она, покосившись на Эви.

– Еще как были!

– Тогда их жертва останется в нашей памяти, – невозмутимо произносит Гармони.

– *Vox clamantis in deserto!*¹ – раздраженно восклицаю я, и Микки тихонько улыбается.

– Хочешь произвести на нас впечатление своими золотыми заумными словечками? – спрашивает Гармони.

– Он считает, что его слова – глас вопиющего в пустыне. То есть его не слышат, – объясняет Микки.

– Это всего-навсего латынь, – добавляю я.

– Конечно, теперь-то ты знаешь, что к чему! Стал золотым и тут же получил ответы на все вопросы! – злится Гармони.

– Разве не для этого меня сделали патрицием? Чтобы мы поняли их логику?

– Нет! Ты должен был занять правильную позицию, а потом ударить их в самое уязвимое место! – Гармони сжимает кулак и бьет им по ладони металлической руки. – Перестань вести себя так, будто ты родился высшим! Не забывай, я-то знаю, кто ты есть на самом деле! Испуганный мальчишка, который пытался покончить с собой из-за того, что не смог спасти свою женушку и ту вздернули!

Я ошеломлен. Не могу вымолвить ни слова.

– Гармони, он просто пытается помочь, – успокаивает ее Эви. – Дэрроу, я представляю, как тебе нелегко, ведь ты прожил среди них несколько лет. Но мы должны заставить их страдать! Ведь они понимают только один язык – язык боли! Они сами контролируют нас таким образом. Знаешь, – задумчиво продолжает она, – когда я впервые обслуживала золотого, то решила, что испытала настоящее счастье. Словами даже не объяснишь. Как будто оказалась наедине с богом. Но теперь я знаю, что это было не удовольствие, а отсутствие боли! Если ты не в курсе, Дэрроу, то я расскажу, как из розовых делают покорных рабов и рабынь. Нас выращивают в садах, где нам в тело вживляют имплантаты, причиняющие постоянную физическую боль. Устройство называется «Поцелуй Купидона», оно вызывает жжение в позвоночнике, мигрень. Действует постоянно, даже во сне. Плачь не плачь, будет больно. Единственный способ отключить его – послушно выполнять приказы. В какой-то момент, когда нам исполняется двенадцать, «Поцелуй» извлекают. Ты и представить себе не можешь, Дэрроу, какой страх мы все испытываем, думая о том, что его могут вновь вживить, – сжимая длинные пальцы, произносит Эви. – Боги должны испытать боль! Они должны бояться боли! Должны понять, что не могут причинять нам боль безнаказанно! Вот что имеет в виду Гармони.

А я-то думал, что у золотых мозги набекрень. Нет, мы все искалеченные души, бредущие на ощупь в темноте, пытающиеся залечить свои раны, заполнить пустоту, образовавшуюся

¹ Глас вопиющего в пустыне (*лат.*).

после нанесенных нам ударов. Эо удалось уберечь меня от такого конца. Если бы не она, я стал бы таким же, как эти бедолаги.

– Мы не должны причинять им боль, Эви, – возражаю я, – мы должны победить их. Этому научила меня Эо, этому научил меня Танцор. Не надо сбивать яблоки с яблони, надо рубить ее на корню. Какой смысл устраивать теракты? Чего мы добьемся массовыми убийствами? Необходимо разрушить все Сообщество до основания, изменить жизнь миллионов, а не заниматься насилием!

– Ты забыл о своей миссии, Дэрроу, – перебивает меня Гармони.

– А вы? Ничего не забыли? Вы даже не знаете, что я видел, вам этого не понять!

– Вот именно! Не понять! Ты сидишь за одним столом с хозяевами, поэтому можешь позволить себе разводить теорию! А как насчет того, что видела я?! Мы по уши в дерьме, Дэрроу! Мы умираем! И что ты предлагаешь? Пофилософствовать на эту тему, утопая в роскоши? Укладывая в постель розовых? Мне пришлось слушать, как умирал Танцор! По коммутатору раздавались истошные вопли и стоны, когда ищейки стали убивать наших одного за другим! А я сидела тут и ничего не могла сделать! Ничего! Если бы ты пережил такое, то понял бы, что огонь можно уничтожить лишь огнем!

Знаю, к чему приводят подобные рассуждения. У меня от них внутри все сжимается. Вспоминаю, как я рыдал в грязи, а Кассий стоял надо мной. Вот так все это закончится.

– Гармони, ты потеряла всех, кого любила, и мне очень жаль. Но моя семья все еще в шахте. Не хочу, чтобы они пострадали из-за того, что ты в ярости. Моя жена мечтала о лучшем мире. Лучшем, а не более кровавом. – Я встаю. – Пора мне поговорить с Аресом!

В комнате повисает тяжелое молчание.

– Оставьте нас, – приказывает Гармони, глядя на Микки и Эви.

Микки неохотно поднимается, смотрит на меня, как будто хочет что-то сказать, но Гармони не спускает с него глаз, поэтому он решает не рисковать и, похлопав меня по плечу, бросает на прощание:

– Удачи тебе, дорогой мой!

– Разреши мне остаться, – подходит к Гармони Эви, – я лучше знаю, как с ним разговаривать.

– Арес этого не позволил бы, – обнимает ее за талию Гармони.

– После того, что я сегодня сделала... ты мне не доверяешь? Но я же не такая, как все!

– Я доверяю тебе, как и всем алым. Но есть вещи, которыми я с тобой поделиться не могу. Иди, – ласково говорит ей Гармони, целуя в губы.

– Мы тебе не враги, Дэрроу, – уже в дверях оборачивается ко мне Эви. – Хочу, чтобы ты помнил об этом.

Дверь захлопывается, и в кабинете Микки остаемся только мы с Гармони.

– Она знает? – спрашиваю я.

– О чем?

– О том, что ты послала ее на верную смерть.

– Нет. Она не такая, как мы. Она умеет доверять.

– И ты принесла бы ее в жертву?

– Я пожертвовала бы кем угодно, чтобы убить аурея со шрамом, а попадают лишь ничемные эльфы да бронзовые! Нам нужны истинные тираны!

– Ты используешь ее куда более жестоко, чем Микки.

– У нее есть выбор, – бормочет Гармони сквозь зубы.

– Выбор?

– Да. – Гармони садится за стол и жестом приглашает меня присоединиться к ней. – Танцор умер, но у Ареса есть для тебя план.

– Нет-нет, мне надоело слушать о его планах в пересказе остальных. Я отдал ему три года жизни. Теперь хочу посмотреть ему в глаза.

– Это невозможно.

– Тогда я выхожу из игры.

– И как, позволь спросить? У тебя нет выхода. Домой, в Ликос, ты вернуться не сможешь. Так что пристегни ремни и жми на газ, мальчик!

Ее слова ранят меня в самое сердце. Мне действительно некуда возвращаться. Невыносимое одиночество. Где мой дом? Даже если все это закончится нашей полной победой над золотыми, куда мне идти?

– С Аресом тебе встретиться не удастся. Даже я ни разу не видела его лица, проходчик.

– Не видела?! Ты работаешь на него так же долго, как и Танцор! Много лет! Почему же ты доверяешь ему?

– Потому что он первым дал мне оружие. На нем был шлем, и он вложил мне в руку заряженный импульсовик!

– Арес – мужчина? – спрашиваю я.

– Какая разница? – отмахивается от меня Гармони и активирует видеодисплей.

В воздухе кружится вихрь электронов, и вскоре перед нами разворачивается серия карт. Топография мне знакома. Марс. Венера. Кажется, Луна. Десятки красных точек мигают на картах городов, доков и других стратегически важных объектов.

– Вот план Ареса: четыре сотни терактов, шестьсот нападений на склады боеприпасов, правительственные учреждения, электроснабжающие компании, коммуникационные центры. На планирование и сбор ресурсов по крохам ушли годы.

Я даже представить себе не мог, что мы способны на акцию такого масштаба. Благоговейно смотрю на карту.

– Цель сегодняшних терактов: спровоцировать реакцию, чтобы золотые занервничали и засуетились. Начнут мобилизацию сил, станут собираться в определенных местах. Гадюк легче всего выкурить из гнезда, когда они все там.

– Когда планируется атака?

– Через три дня. Вечером.

– Вечером через три дня, – повторяю я. – На закрытии саммита. Постой, он же не хочет, чтобы я...

– Хочет. Через три дня состоится торжественное закрытие саммита. Вино, розовые, шелка, как там у вас, золотолобых, принято. Там будут все хреновы губернаторы, сенаторы, преторы, императоры, судьи со всех уголков Сообщества. Все монстры Солнечной системы по мановению руки верховной правительницы соберутся в одном месте. Следующий случай представится лишь через десять лет. Сынам туда не пробраться, но ты сделаешь то, чего не можем мы. Ты сумеешь нанести удар, который нам не по силам!

Ее слова доносятся до меня, словно шум приближающегося из тоннеля поезда.

– Значит, у них там будет теплая компания. Верховная правительница станет говорить речь, и тогда ты убьешь этих золотых ублюдков радиальной бомбой. Мы спрячем ее на тебе. Микки и его ребята уже все сделали. Как только мы увидим на трекере, что бомба взорвалась, вытащим тебя и устроим адские пляски по всей системе. Выжжем их дотла!

И все, что я сделал, было ради этого?!

– Должен быть другой способ!

– Послушай, проходчик, с самого начала у нас было два плана! Тот, о котором я тебе рассказывала, – и ты сам. Арес и Танцор твердили, что в тебе вся наша надежда, ты дашь нам шанс пойти другим путем. Все верещали как мальчишки, что ты сможешь разрушить золотых изнутри. Но ты потерпел неудачу, как я и думала. Говоришь, у Эви руки в крови? Так ведь и у тебя тоже!

– Ты даже не представляешь, до какой степени, Гармони. Я святошей не прикидываюсь. Но Эви сознательно пошла на преступление!

– Есть только одно преступление – поражение!

– Подумай, какие в этой игре ставки! Мы не можем пойти против золотых напрямую. Какой бы удар мы им ни нанесли, в ответ они просто сотрут нас с лица земли, вот так, – говорю я, щелкая пальцами.

– Значит, ты отказываешься.

– Да, Гармони, отказываюсь!

– Что ж, тогда война начнется без твоего участия. Мы подготовили двоих Сынов, они постараются попасть на церемонию. Они – не золотые, поэтому, скорее всего, их поймают и порежут на мелкие кусочки в пыточной камере преторов, и миссия будет провалена. Значит, лидеры золотых выйдут сухими из воды, а наши мизерные шансы победить в этой дерьмовой войне станут равны нулю, и все потому, что ты не доверяешь Аресу!

– Забудь, я в этом не участвую! Арес мог бы сам ко мне обратиться, если ему нужна моя помощь!

– Как?! Он на Марсе, готовит революцию! С ним нет связи, золотые мониторят все каналы! Мог ли он пойти на контакт без риска для тебя? – спрашивает она, наклоняясь вперед и плотоядно обнажая в улыбке нижние зубы. – Скажи-ка, Дэрроу, ты хотя бы знаешь, чего они тебя лишили?

– В каком смысле? – напрягся я от ее странного тона.

– В таком, – спокойно отзывается она, задает какие-то команды видеокубу, на экране возникает изображение шахт Ликоса, и у меня внутри все леденеет. – Запись смерти Эо удалось вывести в эфир... – поясняет она, и я чувствую, как сердце гулко бьется где-то в горле, – однако мы показали ее не полностью.

Гармони включает запись, и комната, где мы находимся, превращается в шахту. Мы оказываемся внутри трехмерной голограммы. Это необработанные документальные кадры, а не монтаж для новостей, не то видео, что я смотрел сотни раз, – там казнь моей жены транслируется без звука.

Слышу собственные стоны, когда серые избивают мальчика, которым я был когда-то. В толпе раздается чей-то плач. Воцаряется неловкая тишина неотредактированной съемки. Моя мать низко опускает голову. Дядька Нэрол плюет в пыль себе под ноги. Мой брат Киран прикрывает руками глаза своим детям. Звук шагов. Дио, сестра Эо, поднимается на металлический эшафот. Сандалии царапают ржавчину. Рыдания. Дио наклоняется к моей жене. Эо такая маленькая, такая худенькая и бледная, словно призрак той горящей страстью девушки, которой я ее запомнил. Ее губы шевелятся. Как и в тот день, мне не удается расслышать, что она говорит. Внезапно Дио раздражается рыданиями и начинает цепляться за Эо. Что же она ей сказала?

– Воспользуйся техникой, Дэрроу. Она же создана для просмотра.

Сам думал об этом тысячу раз, но доступа к записи у меня не было. Я не знал, как мне отыскать ее, не привлекая к себе внимания. И тогда, и сейчас у меня в голове крутится одна жуткая мысль: что же Эо такого сказала, чего я не смог бы вынести? Почему она сказала это Дио, а не мне?

В пиратской копии, разлетевшейся по сети, Дио вообще не показывают. А здесь, в оригинальной съемке, я могу просто взять и перемотать на начало. Так я и делаю. Можно увеличить громкость. Готово. Просматриваю все сначала: моя мать опускает голову. Нэрол сплевывает. Киран прикрывает глаза детям. Шорох шагов. Дио поднимается на эшафот. Все звуки раздаются в сотни раз громче. Убираю белый шум с помощью панели настроек и наконец-то слышу слова, которые моя жена сказала Дио:

– В нашей спальне стоит колыбель, которую я сделала своими руками. Спрячь ее до возвращения Дэрроу.

- Колыбель... – шепчет Дио.
- Он не должен узнать. Он этого не выдержит.
- Не произноси этого, Эо, прошу тебя!
- Я жду ребенка.

10

Удар

Я и правда не выдерживаю.

Сажу в полной прострации, уставившись на собственные руки. Руки, которые не смогли спасти мою жену, моего ребенка. Это была правда! Я был слишком слаб, чтобы вынести правду, чтобы узнать о второй жертве моей жены. Она могла бы остаться в живых, могла бы подарить нам малыша, о котором мы так мечтали, но наше будущее не стоило ее молчания. Да и мне была грош цена...

Где-то глубоко в груди зарождается сосущая, тянущая боль. Как будто бы в душе вдруг образовалась черная дыра, а все тело напряглось и свернулось змеей вокруг острого ощущения горя. Кажется, я вешу как минимум тонну. Плечи поникли. Тяжело дышать. Пальцы конвульсивно сжимаются. Даже странно смотреть на эти руки. Руки, которыми я тянул ее за щиколотки и которыми копал ей могилу. Но ведь в могилу легла не только она...

О нет, в могилу отправилась еще одна жизнь, нерожденная. Наш ребенок умер, не успев появиться на свет, а я даже не знал об этом. Я подвел их обоих. Видео начинает крутиться заново, звук снова с усилением.

«Я жду ребенка, – говорит она поднявшейся на эшафот Дио, – я жду ребенка».

Проигрываю эти кадры с десятков раз, все глубже погружаясь в бездну отчаяния.

Золотые убили не только мою жену. Они убили во мне мужа и отца – тех, кем я всегда хотел стать. Если бы только я смог остановить ее! Но я надулся как несмышлениш, обидевшись, что нам так и не достались лавры, и она отвела меня в сад. Почему я не притворился, что мне на эти лавры глубоко наплевать?..

У меня могла бы быть семья: сыновья, дочери, внуки... Всех их убили еще до рождения. Это никогда не возьмет на руки нашу дочь. Никогда не поцелует на ночь нашего сына и не улыбнется, глядя, как его ручки цепко хватают меня за палец. Из всей этой семьи, которая могла бы появиться на свет, остался один я. Лишь тень того человека, каким я мог бы стать.

Во мне поднимается ярость. У нас был шанс, и мы его упустили. Все, чем я стремился обладать, утрачено, погребено из-за меня и из-за них. Из-за их законов. Их несправедливости. Их жестокости. Они заставили женщину выбирать между смертью – ее собственной и нерожденного ребенка – и жизнью в рабстве. А все почему? Ради власти! Ради того, чтобы они могли жить в своем идеальном мире!

– Тогда ты был слишком слаб, – говорит Гармони. – Хватит ли тебе силы сейчас, проходчик?

Гляжу на нее, а слезы текут по щекам, оставляя на них мокрые теплые дорожки. Гармони смотрит на меня не так сурово, как прежде, и продолжает:

– И у меня когда-то были дети. Радиация выжгла их внутренности, а им даже не дали обезболивающих. Даже не попытались ликвидировать утечку. Сказали, что ресурсов недостаточно. Мы с мужем сидели и смотрели, как они умирают. Потом его убила та же болезнь. Он был хорошим человеком, а хорошие люди гибнут! Если мы хотим освободить и защитить их, нам придется стать чудовищами! Да здравствует зло! Да здравствует тьма! Я готова пойти за самым дьяволом, если он поможет нам принести этим несчастным хотя бы крошечный лучик света!

Я смотрю на Гармони, и по щекам текут горячие слезы. Встаю и обнимаю ее, наконец вспомнив об ужасах, с которыми сталкивается наш народ. Как же я мог забыть? Я – дитя ада, слишком загостившееся на небесах.

– Я сделаю все, что прикажет мне Арес.

* * *

– Эту сучку подослал Плиний! – шипит Шакал, пока желтые врачи медленно удаляют ошметки обгоревшей кожи с его плеча и наносят регенерационный раствор. – Это не Сыны Ареса, они не стали бы убивать так много низших цветов, не их стиль! Думаю, Плиний постарался! Или преторы верховной правительницы!

За стеклом мерцают огни проплывающих мимо кораблей. Шакал матерится и орет на слуг, чтобы те зашторили окна. Серые по моей просьбе привели меня сюда, в его личный небоскреб, а не в цитадель. Повсюду одни телохранители. Он предпочитает серых, а не черных, исключением был тот, меченый. Золотых, кроме меня, больше нет, что лишний раз доказывает, каким доверием я пользуюсь у Шакала. Прознай кто-нибудь, что он здесь, и сюда сбежится полгорода прихлебателей, но одиночество его не беспокоит. Как и меня.

– А может, Виктра? – рассуждаю я. – Она же решила не оставаться...

– Во-первых, она доказала свою преданность. Во-вторых, не стала бы использовать бомбу. В-третьих, она в тебя влюблена. Так что это точно не она.

– Влюблена в меня? – потрясенно переспрашиваю я.

– А ты совсем как синий, дальше собственного носа не видишь! – фыркает Шакал и тут же меняет тему: – Наш союз должен оставаться тайной до тех пор, пока мы не уберемся с этой долбаной Луны, а значит, тебя в той таверне не было. Если бы Плиний знал масштаб нашего замысла, то подготовился бы получше. Думаю, он хотел вывести из игры только меня. Так что ты возвращаешься в цитадель как ни в чем не бывало. Я продолжаю обрабатывать глав синдикатов, а в конце саммита выкупаю твой контракт.

А потом весь их мир изменится раз и навсегда.

Прощаюсь и уже подхожу к двери, и вдруг Шакал окликает меня:

– Ты второй человек, который спас мне жизнь. Других не было. Спасибо тебе, Дэрроу.

– Прикажи своей новой коже, чтобы росла побыстрее. Ты не должен пропустить церемонию закрытия.

Следующие три дня проходят как в тумане, я постоянно думаю об Эо и о том, чего мы лишились. Горечь потери наполняет меня отчаянием и безысходностью. Мысли мучают меня даже тогда, когда я довожу себя до полного изнеможения в местном спортзале. В разговорах не участвую, с друзьями не общаюсь. Все это не представляет для меня никакой ценности. Жизнь отступает на второй план, когда приходит боль. Теодора замечает, что со мной творится неладное, и изо всех сил старается облегчить мое состояние, предлагая развлечься с розовыми из садов цитадели.

– С вами им будет лучше, чем с какими-нибудь грубиянами с Газовых Гигантов, господин, – уверяет меня она.

По видеосети цитадели только и говорят что о терактах. Сообщество разыграло эту карту правильно – передают в основном кадры о работе спасателей. Распространяют инструкции, как себя вести в ситуации возможного кризиса. Желтые психологи в ток-шоу анализируют поведение Ареса и приходят к выводу, что вытесненная сексуальная травма в раннем детстве заставляет его срываться с цепи, чтобы получить ощущение власти над миром. Фиолетовые актеры и шоумены собирают средства для семей погибших в теракте. Сам Квиксильвер отписывает три процента от своего личного состояния в пользу пострадавших. Черные и серые боевые группы атакуют «учебные базы Сынов Ареса на астероидах». Серые агенты службы по борьбе с терроризмом проводят пресс-конференции и рассказывают, что задержали подозреваемых – вероятнее всего, каких-то алых, которых они вытащили прямо из шахт или из лунных трещин.

Сплошной фарс, но золотые разыгрывают его профессионально. Прячутся от камер, чтобы складывалось ощущение, будто все цвета вместе борются против алых террористов.

Словно эта война касается не золотых, а всего Сообщества. Более того, Сообщество от этого даже выигрывает, поскольку наши жертвы и наша покорность позволяют нам процветать. Дерьмо собачье они народу на уши вешают!

Однако виноватые все же должны быть найдены. Поэтому лорда-губернатора вызывают на допрос касательно мер по устранению этой ситуации. Как же Сынам удалось добраться с Марса на Луну? Вот какой вопрос ему наверняка зададут. Золотое осиное гнездо растревожено, как я и говорил, но шоу продолжается. Патриции продолжают плести свои интриги, разводить дипломатию, порхать между церемониями, конференциями и саммитами, делая вид, что грязные игры этих террористов их совершенно не волнуют. Они под защитой, они далеки от всех этих ужасов.

Наверное, в свое время меня бы это обеспокоило, но сейчас золотые кажутся мне призраками, а не реальными людьми. Как будто они существуют только в моей памяти. Их настоящее бледнеет по сравнению с моим прошлым.

С сожалением прикасаюсь к бомбе, красующейся у меня прямо на груди. Творение Микки, копия Пегаса, которого я носил в училище, – внутри были волосы Эо. Тот кулон лежит в каком-то секретном хранилище вместе с другими моими личными вещами. А у этого крылатого коня поворачивается голова, после чего он превращается в орудие убийства. Потом надо притронуться к медальону специальным кольцом и активировать детонатор.

Я отдалился от моих друзей, от Виктры. Она спрашивала у Рока, что со мной такое. Он наверняка ответил, что я переменчив, словно ветер, да и вообще человек настроения. Или выдумал еще более поэтичное объяснение. Пытается держаться ко мне поближе, приходит ко мне вечером, когда я уже лежу в постели, старается подловить меня в гимнастическом зале. Но у меня нет сил улыбаться ему, слушать, как он читает стихи своим тихим голосом, или говорить на философские темы, или вместе смеяться над анекдотами. Не могу себе позволить чувства по отношению к нему, ибо знаю, что скоро он будет мертв. Я должен убить его в своем сердце, прежде чем уничтожу во плоти.

Неужели мне придется добавить имя Рока в список тех, кого я уже уложил в могилу?

Ответ приходит в день церемонии закрытия саммита, когда Теодора приносит мне из прачечной отпаренную одежду. Она ничего не говорит о Роке. Не изрекает глубокомысленных афоризмов. Просто делает нечто, чему я еще никогда не был свидетелем, – совершает оплошность. Кладет мою форму на кресло, случайно опрокидывает стоящий на столике бокал вина, и оно проливается на рукав белого кителя. В глазах Теодоры плескается такой ужас, что у меня мурашки по спине бегут. Такой взгляд может быть у оленя, к которому на полной скорости мчится аэрокар. Теодора начинает бессвязно извиняться, как будто я могу ударить ее, если она не сумеет вымолить у меня прощение. Через некоторое время она берет себя в руки, паника утихает, и тогда Теодора садится на пол и молча начинает чистить форму.

Не знаю, как себя вести. Сначала просто стою и смотрю на нее, потом кладу руку ей на плечо и говорю, что все в порядке. И тогда она начинает рыдать безутешно и отчаянно, худенькие плечи трясутся и подрагивают. От моего прикосновения она морщится, сдерживает слезы и бормочет, что мне придется надеть не белую, а черную форму. Теодора даже не подозревает, что произойдет сегодня вечером, но все чувствует, ощущает всем телом.

Копейщики играют в игры, принимают микробразаивные ванны, консультируются со стилистами по поводу вечерних костюмов, а я дрожащими пальцами завязываю шнурки на тяжелых армейских ботинках. Мне никогда не удастся спасти моих друзей, я словно навлекаю на них беды. По-моему, в живых остался только Севро, и то потому, что оказался так далеко от меня. Фичнер всегда боялся, что я убью его сына. Говорил, что нить моей судьбы такая жесткая, что может задушить всех, кто находится рядом со мной. И вот теперь я смотрю на Теодору и думаю о том, какие же мы уязвимые и непростые существа. Почему она разрыдалась? Вспомнила что-то из прошлого? Появилось дурное предчувствие? Мне это неизвестно,

отсюда и глубина пропасти между мной и другими людьми. Я бессловесный и холодный, а Рок – теплый, живой... Он наверняка смог бы найти верные слова.

Через несколько минут свита Августуса должна покинуть виллу и отправиться на церемонию. Стучусь к Року в дверь. Никто не отвечает, но я вхожу. Мой друг сидит на кровати и аккуратно держит за корешок какой-то древний фолиант. При виде меня его гладкое лицо озаряется улыбкой.

– А я решил, что это Тактус зовет меня пострелять до церемонии. Он думает, что раз я читаю, значит не занят. Нет большей муки для интроверта, чем приятель-экстраверт. Особенно это чудище. Он рано или поздно доиграется!

– Ну он, по крайней мере, не скрывает своих пороков, – отзываюсь я, заставляя себя рассмеяться.

– А ты его братьев видел? – спрашивает Рок. – Нет? Так на их фоне Тактус выглядит просто ягненком!

– Черт побери! – восклицаю я, прислоняясь к косяку. – Все так плохо?

– Братья Рат? Да просто ужас! Ужасно богатые. Ужасно талантливые. И главная их черта – поразительная способность к греху. Тут они просто гении! – заговорщически ухмыляется Рок. – Если верить слухам – а лично я слухи обожаю, мне сразу вспоминаются имена Байрона и Уайльда, – братья Тактуса открыли свой первый бордель в Эгее, когда им стукнуло четырнадцать. Высококласное было заведение, пока они не стали предоставлять более... изощренные услуги.

– И что дальше?

– Опозоренные дочери и сыновья, оскорбления, дуэли, убитые наследники, долги, отравления, – пожимает плечами он. – Одним словом, Раты! Чего можно ожидать от этих подонков? Поэтому-то все так и удивились, что Тактус стал водиться с железным золотым вроде тебя, – объясняет он. – Знаешь, братья все время дразнят его за то, что он остается в твоей тени, вот почему Тактус все время язвит. Хочет стать таким, как ты, но не может. Вот и прибегает к привычной защите, – хмурится Рок. – Иногда мне кажется, что ты понимаешь всех нас куда лучше, чем мы сами. А иной раз думаю: тебе ни до кого нет дела... Что-то случилось? – Рок поворачивает голову и искоса смотрит на меня.

– Нет-нет, ничего.

– Ты никогда не приходишь просто так, – отзывается Рок, кладет книгу на грудь и похлопывает по краю кровати. – Присядь.

– Я пришел, потому что хотел извиниться перед тобой, – медленно говорю я, присаживаясь. – В последние месяцы, и особенно в последние дни, я отдалился от тебя, и это было несправедливо, ведь ты мой самый верный друг. Конечно, есть и Севро, но этот парень продолжает слать мне по сети странные фотографии.

– Снова единороги?

– По-моему, у него не все дома, – смеюсь я.

– Спасибо. – Рок гладит меня по руке. – Но ты похож на собаку, которая извиняется за то, что виляет хвостом. Ты всегда держал нас на расстоянии, Дэрроу. Тебе не обязательно оправдываться за то, что ты такой, какой есть. Передо мной точно не нужно.

– Возможно, чуть более на расстоянии, чем раньше?

– Возможно, – соглашается он. – У всех нас есть приливы и отливы. Волны приходят и уходят, – пожимает плечами он. – Мы не способны все это контролировать. Нас контролируют другие люди и события на нашей орбите, куда в большей степени, чем нам хотелось бы думать. Ты из-за Мустанга переживаешь? – нахмурившись, спрашивает Рок. – Я знаю, что расставание с ней далось тебе тяжело, что бы ты там ни говорил. Найди ее, пока мы здесь, ты же скучаешь по ней.

– Нет, не скучаю.

– Врунишка!

– Я тебя тысячу раз просил не упоминать о ней!

– Ладно-ладно. Значит, волнуешься? Насчет аукциона? – улыбается он, вглядываясь в мое лицо. – Волноваться не о чем. Все улажено. Я попробую тебя выкупить.

– Но у тебя нет денег, – растерянно говорю я.

– Ты хоть понимаешь, сколько эльфы готовы заплатить за то, чтобы аурей моего происхождения и с моими связями оказался у них в долгу? Миллионы! Я мог бы даже обратиться к Квиксильверу, если уж на то пошло. Он постоянно дает кредиты золотым. Суть в том, что деньги у меня будут, даже если родители не согласятся помочь. Так что не волнуйся, брат. – Он шутливо пинает меня ногой. – Братство Марса чего-нибудь да стоит!

– Спасибо, – заикаясь, благодарю его я, пытаюсь оценить масштаб его благодеяния. – Больше никто об аукционе даже не заикался.

Зачем он так поступает? Он же сам в петлю лезет! Подвергает опасности себя и родителей!

– Они все боятся, что твое невезение заразно, брат, ты же понимаешь. Но ты беспокоись не из-за аукциона, да? – помолчав, спрашивает мой друг, который знает меня как облупленного. – Дело ведь не в этом?

– Не в этом, – качаю головой я. – Скажи, Рок, ты... – я умолкаю, пытаюсь подобрать нужные слова, – ты когда-нибудь чувствуешь себя потерянным?

Вопрос повисает в воздухе, между нами возникает близость, и я не знаю, что с этим делать. Он не станет издеваться надо мной, как Тактус или Фичнер, не будет задумчиво почесывать яйца, как Севро, хихикать, будто Кассий, или мурлыкать что-то утешительное, подобно Виктре. Что бы мне ответила Мустанг, трудно предположить. Рок же, несмотря на принадлежность к высшей касте, несмотря на все различия между нами, медленно закрывает книгу и кладет ее на тумбочку у кровати с балдахином, молчит и позволяет ответу просто появиться в разделяющем нас пространстве. Он двигается осознанно и органично, совсем как Танцор. В нем есть какая-то умиротворенность, глубокий и величественный покой, который, помнится, был и у моего отца.

– Куинн однажды поведала мне историю, – произносит он и делает паузу, ожидая моего протеста против долгих рассказов, однако я внимательно смотрю на него, и он продолжает говорить, понизив голос: – Давным-давно, в эпоху Старой Земли, жили-были два голубя, которые очень сильно любили друг друга. В то время таких птиц выращивали и обучали переносить послания на огромные расстояния. Эти двое родились в одной клетке, их выкормил один хозяин, а потом, накануне великой войны, продал их разным покупателям в один день.

Голуби страдали от разлуки, ведь они перестали быть единым целым. Их хозяева разъехались в разные уголки мира, и птицы боялись, что уже никогда не смогут найти друг друга, так как начали понимать, насколько огромен мир и какие ужасные вещи в нем происходят. Шли месяцы, они служили хозяевам, разнося послания, летая над полем брани, порхая по воздуху над людьми, которые убивали своих братьев за очередной клочок земли. Когда война окончилась, хозяева отпустили голубей на волю, но те не знали, куда лететь и что делать дальше, поэтому просто возвратились на родину. Так они и встретились, ибо им всегда было предназначено вернуться домой и обрести там будущее, а не прошлое, – заканчивает свой рассказ Рок и плавно складывает руки на коленях, словно учитель, дошедший до самой сути дела. – Чувствую ли я себя потерянным? Постоянно. Когда погибла Лия... тогда, в училище... – уголки его рта печально ползут вниз, – я оказался в чаще леса, слепой и потерянный, словно Данте до встречи с Вергилием. Но Куинн помогла мне. Ее голос вывел меня из бездны горя. Она стала моим домом. Знаешь, как она говорит? «Дом не там, где ты родился, дом там, где ты находишь свет, когда повсюду одна тьма». Найди свой дом, Дэрроу. – Рок берет меня за руку. – Возможно, он не в прошлом. Найди его, и больше никогда не будешь чувствовать себя потерянным.

Я всегда считал своим домом Ликос. И не мыслил его без Эо. И наверное, стремился туда, где скоро встречу с ней. Хотел умереть и снова обрести дом в Долине вместе с женой. Но если так, почему мне этого недостаточно? Чем ближе я подхожу к порогу, тем глубже внутри меня разверзается зияющая пустота. Почему?

– Пора идти, – говорю я, поднимаясь с постели.

– Поверь мне как другу, – кивает Рок, делая попытку встать, – все пройдет. Человек не является точкой на жизненном пути. Он – сумма всего, что успел исполнить и хочет сделать. И ничего не стоит без тех, кого считает своими близкими. Ты мой лучший друг, Дэрроу. Помни это. Что бы ни случилось, я буду защищать тебя, как и ты наверняка защитил бы меня, если бы мне это потребовалось.

К его удивлению, я хватаю его за руку и некоторое время удерживаю.

– Ты хороший человек, Рок. Слишком хороший для своего цвета.

– Спасибо... но что ты хочешь этим сказать? – с прищуром смотрит он на меня, разглаживая слегка помявшуюся форму.

– Думаю, мы могли бы быть братьями. В другой жизни, но не в этой.

– Почему в другой? – непонимающе смотрит на меня Рок и вдруг замечает автоматический шприц у меня в левой руке.

Он не успевает остановить меня, а вот зрачки моментально расширяются, он смотрит на меня со смесью страха и доверия, словно верный пес, которого хозяин берет на руки, собираясь усыпить. Он ничего не понимает, хотя догадывается, что у меня есть причины так поступить, и все равно боится предательства. Его взгляд разбивает мое сердце на тысячу осколков.

Игла мягко входит Року в шею, и он медленно оседает на кровать. Когда он очнется, все, с кем и на кого он работал последние два года, будут мертвы. Он вспомнит, что я с ним сделал после того, как он назвал меня своим лучшим другом. Догадается, что мне было известно о финале церемонии. И даже если я останусь в живых, даже если они не узнают, что террористом был я, Рок все поймет. Точка невозврата пройдена.

11

Алый

Сегодня вечером я убью две тысячи сильнейших мира сего. Однако сейчас я иду с ними плечо к плечу, против обыкновения не обращая внимания ни на упаднические настроения, ни на снисходительные взгляды. Высокомерие Плиния не задевает меня. Нескромное платье Виктры оставляет равнодушным, даже когда она берет меня под руку, проигнорировав протянутую руку Тактуса. Шепчет мне на ухо, что сдуру забыла надеть нижнее белье. Я смеюсь, как будто это забавная шутка, пытаюсь скрыть ледяное спокойствие.

– Полагаю, Дэрроу заслужил немного утешения перед отъездом, – вздыхает Тактус. – Не видел ли ты сегодня Рока, патриций?

– Он сказал, что нехорошо себя чувствует.

– О, как это на него похоже! Небось свернулся калачиком в постели в обнимку с книжкой! Надо за ним зайти.

– Он пошел бы, если бы захотел, – говорю я.

– Я хочу, чтобы он был с нами, – отвечает Тактус, презрительно глядя на остальных копейщиков, старающихся занять место поближе к хозяину.

– Если он тебе так нужен, сходи за ним, – говорю я, просчитав его реакцию.

– Никто мне не нужен! Если бы я не знал тебя так хорошо, – морщится он, – то решил бы, что ты до сих пор обижаешься на меня из-за той истории с капсулой!

– А, той самой капсулой, которую ты запустил, не дождавшись его? – спрашивает Виктра. – И на что тут обижаться, правда, Тактус?

– Но я же думал, что Дэрроу умер! Так что это был холодный расчет! – Тактус толкает меня в плечо своим здоровенным кулаком и кивает на Виктру. – Ну ты же понимаешь! Кто-то должен был приглядывать за этой дамочкой!

– Она – нежный цветок, – отзываюсь я, заслоня собой Виктру.

– О горе богу океана, с ним тоже рядом никого, – нараспев цитирует Тактус, – в час бешеного урагана друзья покинули его!

Виктра поправляет золотой наплечник, спиралями обвивающий ее плечо, и насмешливо произносит:

– Этот чудесный мальчик так тщеславен! Думает, что и ураганы бушуют ради него. Аукцион начнется после церемонии, – добавляет она, заметив, что я ее совершенно не слушаю, и кивает на заходящий на посадку аэрокар. – А вот и он!

Из аэрокара выходит Шакал. Ожоги зажили, лишь в некоторых местах кожа едва заметно розовеет. Он шутливо кланяется отцу, не обращая внимания на шепоток, пробежавший среди свиты.

– Отец, – кивает он Августусу, – я подумал, что дому Августусов следует присутствовать на церемонии в более или менее полном составе. Ведь мы должны держаться вместе, несмотря ни на что!

– Адриус, – отзывається Августус, пристально разглядывая сына, как будто ища, к чему бы придраться, – не думал, что тебе по душе светские рауты. Вряд ли церемония придется тебе по вкусу.

– Ах вот почему я так и не получил приглашения! – театрально смеется Шакал. – Или же причина в терактах? Впрочем, какая разница. Я здесь и рвусь быть рядом с тобой в этот знаменательный день! – восклицает Шакал, широко улыбаясь всем присутствующим, он отлично знает, что отец никогда не устраивает публичных сцен. – Что ж, пойдемте! – провозглашает он, награждая меня злобещей усмешкой, которую наверняка замечают остальные.

Каков актер, думаю я, рассеянно следуя за Викторой в самом конце длинной процессии. Мы идем по извилистым лабиринтам мраморных коридоров из нашей виллы в сады цитадели, расположенные в двух километрах отсюда. Башня верховной правительницы возвышается посреди розового сада и ручейков, словно огромный двухкилометровый меч.

Сад пересекают тысячи искусственных ручьев. В них плавают цветные рыбки, в тихих заводях снуют творения рук ваятелей – розовые русалки, в цветущих деревьях притаились кошкозьяны. Под сенью ветвей отдыхают огромные тигрорыси. Фиолетовые мотыльками порхают меж деревьев, играя на скрипках зловещие мелодии. Ночные сады Вакха, но без разнузданных оргий, которые так забавляли греков, – эльфы от души посмеялись бы над подобным заведением, но ауреи себе такого не позволяют. По крайней мере, прилюдно.

За деревьями видны и другие процессии, несущие штандарты – огромные сияющие полотнища из ткани и металла. Наш красный с золотом лев на гербе беззвучным рыком бросает вызов им всем. Вот по мощеному мосту прошла семья Фальт с вороном на серебряном поле. Мы со скучающим видом провожаем взглядом их лорда и копейщиков. Само собой, все они при лезвиях, но остальная техника под запретом – никаких планшетов, гравиботов и другого оружия – такова традиция.

Над нами возвышается башня. Основание покрыто фиолетовыми, красными и зелеными лишайниками, увито плющом тысячи оттенков, ласкающим стекло и бетон, словно пальцы жадных до денег претендентов на руку богатой вдовы. Шесть огромных лифтов поднимают благородные семьи к небу, на самый верх.

Лифт обслуживают поражающие своей красотой розовые слуги и бурые лакеи в белых livреях с золотыми треугольниками Сообщества.

Плоская кабина лифта, оборудованная гравитаторами, находится в центре поляны, посреди колышущейся на ветру зеленой травы. Несколько медных тут же обступают Плиния, который, будучи политиком, уполномочен говорить от лица лорда-губернатора. Видимо, произошло какое-то недоразумение – семья Фальт успевает проскочить в лифт прямо перед нашим носом.

– Социальная ловушка, – бормочет Августус, повернувшись к Лето, и фаворит подходит поближе. – Идиоты! Смотри, сейчас сделают вид, что это вышло случайно, а потом скажут: вам придется ехать на одном лифте с домом Фальтов! А ведь на самом деле они должны умолять нас пройти первыми!

– А вдруг это и правда случайность? – спрашивает Лето.

– Только не на Луне, – скрещивает руки на груди Августус. – На Луне – все политика.

– Времена меняются.

– Времена меняются уже давно, – шепчет Августус.

Лорд-губернатор сосредоточенно изучает лица своих слуг, как будто подсчитывая, сколько у нас лезвий. У одних лезвия пристегнуты к поясу, у других, вроде меня, обвивают предплечья. Тактус и Виктра перекинули свои через плечо на манер перевязи.

– Три копейщика ни на шаг не отходят от лорда-губернатора, – тихо приказывает Лето, мы киваем и подходим поближе. – Никакой выпивки!

Тактус стонет в знак протеста.

Шакал бесстрастно наблюдает за тем, как Лето командует свитой его отца.

Плиний побеседовал с работниками цитадели и выяснил, что мы и правда должны ехать на одном лифте с Фальтами. Но следующая новость оказывается еще более зловещей: наши черные и серые должны остаться внизу.

– Все семьи должны проследовать на церемонию без прислуги, – объясняет он. – И без телохранителей.

По рядам проносится ропот.

– Тогда мы никуда не пойдем, – произносит Шакал.

– Не будь идиотом! – резко оборачивается к нему Августус.

– Ваш сын прав, – поддерживает Шакала Лето, – Нерон, опасность слишком...

– Некоторые приглашения куда опаснее отклонять, чем принимать! Альфрун, Джофо! – Августус делает резкое движение ладонью в сторону своих меченых.

Двое мужчин молча кивают и присоединяются к нам с фланга. Их хмурые взгляды выражают неподдельное беспокойство. Мы заходим в лифт вслед за Фальтами и начинаем подъем. Глава дома Фальтов улыбается – его положение явно упрочилось.

Приглашенные на торжественную церемонию на крыше башни верховной правительницы попадают в зимнюю сказочную страну. С невидимых облаков падает снег, заметающий остроконечные верхушки сосен в посаженном людьми лесу, ложится на мои короткие волосы. Растаяв на языке, снежинки оставляют после себя вкус корицы и апельсина. Из рта вырываются облачка пара.

В честь появления лорда-губернатора трубят в трубы. Тактус и несколько копейщиков оттесняют Фальтов в сторону, чтобы Августус вошел на церемонию первым. Наши золотистые и кроваво-красные ряды движутся среди огромных вечнозеленых деревьев. Здесь нас ожидают последние достижения культуры золотых, их гордость. Океан лиц, которые видели такое, о чем люди когда-то и мечтать не могли. Среди толпы можно различить знакомые еще с училища группы: обаятельные воины братства Аполлона, убийцы Марса, красавицы Венеры.

Прямо под шпилем цитадели остается свободное пространство, откуда видны города, мерцающие далеко внизу миллионами огней. Представить невозможно, что под поверхностью этого сияющего драгоценными камнями океана скрывается совсем иное – трущобы и нищета. Один мир под поверхностью другого.

– Постарайся не потерять голову, – шепчет мне Виктра, проводя когтистой рукой по моим волосам, и отходит поболтать с друзьями с Земли.

Иду к нашему столу. Над небольшими гравитаторами сияют огромные люстры. Изысканные наряды, словно жидкость, струятся по безупречным женским телам. Розовые подают деликатесы на блюдах и напитки в ледяных и хрустальных бокалах.

Сотни длинных столов расставлены по кругу вокруг замерзшего озера в центре этой зимней сказки. Розовые прислужницы перемещаются между столами на коньках. Подо льдом движутся формы – не какие-нибудь там сексуальные извращения, которые пришлось бы по вкусу эльфам и низшим цветам, а загадочные существа с длинными хвостами и мерцающей, словно звезды, чешуей. В другой жизни Микки, наверное, отдал бы все на свете за то, чтобы одно из его созданий приняло участие в этом действе. Едва сдерживая улыбку, я понимаю, что в каком-то смысле ему это удалось.

Здесь нет ни табличек с именами, ни номеров, но мы легко находим наш стол, потому что в его центре практически неподвижно сидит огромный лев. Все столы помечены знаком того или иного дома. Тут есть грифоны и орлы, ледяные кулаки и огромные стальные мечи. Лев довольно мурлычет, когда Тактус забирает у одной из розовых поднос с закусками и ставит его между массивными лапами животного, крикнув:

– Давай, зверюга, угощайся!

Меня находит Плиний. Его волосы заплетены в тугую замысловатую косу. Одет он в кои-то веки сдержанно, но все так же высоко задирает свой длинный нос, пытаясь произвести на нобилей впечатление своими ястребиными чертами и спартанской экипировкой.

– Чуть позже я представлю тебя некоторым заинтересованным лицам. По моему знаку немедленно подойди ко мне, – бросает мне он, рассеянно озираясь в поисках важных персон, с которыми ему надо переговорить. – А до тех пор никаких фокусов, вежи себя прилично!

– Какие фокусы, – говорю я, доставая медальон с Пегасом. – Клянусь честью моего дома.

– Да-да, – отмахивается от меня политик, даже не взглянув в мою сторону. – Было бы чем клясться...

Оглядываю собравшихся. Здесь уже сотни людей, а гости все прибывают и прибывают. Сколько еще ждать? Мне с трудом удастся сдерживать ярость, которая заставила меня принять это решение. Они убили мою жену, повторяю я про себя, убили моего ребенка. Но как я ни пытаюсь раздуть в себе огонь гнева, страх из-за того, что из-за меня повстанцы могут погибнуть, не улетучивается.

Я делаю это не ради мечты Эо, а ради живущих. Удовлетворяю их жажду мести, а не воздаю по заслугам тем, кто уже пожертвовал всем. Назад дороги уже не будет, но так предопределено судьбой.

Меня обуревают сомнения. Неужели я трус?

Я слишком много думаю, поэтому из меня получился плохой солдат. А ведь я и есть всего лишь солдат, солдат Ареса. Арес дал мне это тело. Я должен доверять ему. Поэтому я беру медальон с Пегасом и прикрепляю его под столом Августуса, ближе к концу.

– Выпьем? – раздается чей-то голос у меня за плечом.

Обернувшись, оказываюсь лицом к лицу с Антонией. Мы не виделись со времен училища, с тех самых пор, как Севро снял стерву с креста, к которому ее прибил Шакал. Нахмурившись, вспоминаю ту ночь, когда она перерезала горло Лие, чтобы выманить меня из укрытия.

– А я думал, ты изучаешь политику на Венере, – бормочу я.

– Мы уже закончили, – отвечает она. – Твое распятие доставило мне огромное удовольствие, мы с друзьями несколько раз пересматривали запись! Жуткие запахи, моча, фу! – потягивает воздух носом Антония. – От такой вони непросто избавиться!

У природы странное чувство юмора, наверное, именно поэтому Антония потрясающе красива. Пухлые губы, ноги чуть ли не длиннее моих, нежная как шелк кожа, а волосы – словно золотая пряжа из сказки про Рапунцель. А подо всем этим великолепием скрывается жуткое существо.

– Вижу, ты скучал по мне, – язвительно произносит она, протягивая мне чашу с вином, – давай же выпьем за наше долгожданное воссоединение!

Не понимаю, почему наш мир устроен так, что она жива-живехонька, стоит передо мной и плетет свою паутину, а моя жена мертва, да и лучшие золотые вроде Лии и Пакса превратились в прах.

– Знаешь, Антония, Фичнер как-то сказал одну фразу, которая кажется мне очень подходящей к нашей ситуации, – галантно поднимая чашу с вином, говорю я.

– Ах да, Фичнер! – вздыхает она, и ее груди агрессивно вздымаются в слишком глубоком декольте облегающего платья. – Эта бронзовая крыса заслужила определенную репутацию. И что же он сказал?

– Мужчины никогда не скучают по хламидиям, – резко бросаю ей я, выливаю вино ей под ноги и отхожу в сторону.

Она хватается за руку, привлекает к себе так близко, что я чувствую ее горячее дыхание.

– Они придут за тобой! Беллона придут за тобой! Беги, спасай свою шкуру! – шипит она, косясь на мое лезвие. – Если ты, конечно, не считаешь, что сможешь победить Кассия на дуэли! – добавляет она, отпуская мою руку. – Удачи тебе, Дэрроу! Мне всегда будет не хватать цирковой мартышки на наших балах! Думаю, что буду скучать по тебе сильнее, чем Мустанг!

Не реагируя на ее слова, отхожу подальше, отчаянно надеясь, что скоро на церемонию придут все дома и я смогу положить этому конец. Целая вереница преторов, квесторов, судей, губернаторов, сенаторов, торговцев, глав семей и домов, два олимпийца и тысячи других гостей подходят к моему хозяину, чтобы засвидетельствовать свое почтение. Пожилые мужчины беседуют об атаке на Уран и Ариэль, обсуждают идиотские слухи о том, что новый Рыцарь

Гнева уже получил свое оружие, что база загадочных Сынов Ареса находится на Тритоне, говорят о чуме, бушующей на темных континентах Земли, – одним словом, мелют ерунду.

Другие отводят моего хозяина в сторону, будто не замечая, что сотни глаз наблюдают за каждым их шагом, и медоточивыми голосами рассказывают ему о ночных разговорах шепотом, о том, что ветер начинает дуть в другую сторону, а приливы могут быть крайне опасны. Сплошные метафоры и иносказания, но суть сводится к одному и тому же: Августус впал в немилость у верховной правительницы, точно так же как я – у него самого.

Где-то вдалеке ночное небо бороздят корабли, которым нет никакого дела до всей этой болтовни, как, впрочем, и мне. Как же все-таки странно видеть эту женщину на возвышении за танцплощадкой, наблюдать за тем, как она беседует с лордами других домов, с людьми, которые распоряжаются жизнью миллиардов простых граждан. Она так близко, такая живая и хрупкая.

Октавию Луну окружают самые близкие ей женщины – три фурии, три сестры, она доверяет им больше, чем кому-либо другому. Верховную правительницу красавицей не назовешь: ее довольно миловидное лицо бесстрастно, словно горный пейзаж. Ее сила в молчании. Редко услышишь, как она говорит, зато как она слушает – будто гора, величественно внимающая шепоту и стонам ветра в своих ущельях и вокруг пиков.

У дерева одиноко стоит мужчина, столь же мощный, как и древесный ствол. В руке он сжимает небольшой бокал, на его эмблеме изображен крылатый меч – знак претора, командующего флотилией. Подхожу к нему. Завидев меня, он улыбается.

– Дэрроу Андромедус! – рычит Карнус.

Щелчком пальцев я подзываю проходящего мимо розового, беру две чаши с вином с ледяного подноса и протягиваю одну из них Карнусу:

– Подумал, что неплохо будет выпить вместе перед тем, как ты убьешь меня.

– Хорошая идея, – отзывается он, осушая свой бокал и беря у меня из рук новый. – Надеюсь, ты не собираешься меня отравить? – спрашивает он, внимательно глядя на меня поверх бокала.

– Это для меня слишком тонко.

– Ну в этом мы с тобой сходимся, зачем все эти уловки... – Он улыбается крокодильей улыбкой, разглядывая золотыми глазами проходящих мимо мужчин и женщин, и выпивает вино. – У нас тут прямо полный декаданс... даже странно.

– Я слышал, что сценарий праздника сочинил Квиксильвер.

– Где еще, кроме Луны, серебряному разрешено притворяться золотым?! – ворчит Карнус. – Ненавижу эту Луну, – добавляет он, хватая закуски с подноса проходящего мимо официанта. – Еда слишком тяжелая, а все остальное чересчур легкое. Хотя говорят, что шестая перемена блюд будет просто восхитительной!

Говорит он это каким-то странным тоном. Я складываю руки на груди и наблюдаю за вечеринкой. Мне на удивление комфортно в компании человека, которого я ненавижу. Мы не притворяемся, что нравимся друг другу, никаких масок, по крайней мере общаемся откровеннее обычного.

– Юлиану бы тут понравилось, – со смешком заявляет он. – Он был самодовольным, испорченным ребенком.

– А вот Кассий говорил о нем только хорошее, – решаю я проверить своего будущего убийцу на вшивость.

– Кассий! – хмыкает тот. – Кассий как-то раз подбил птицу из рогатки, а потом в слезах прибежал ко мне, потому что понимал: надо ее убить, чтобы не мучилась, – а у него рука не поднималась. Я сделал это за него, добил ее камнем. То же самое сделал и ты, – ухмыляется он. – Мне, наверное, стоит поблагодарить тебя за то, что ты убрал этот генетический мусор.

– Постой, чувак, Юлиан же был твоим братом...

– В детстве он постоянно писался по ночам. Писался! А потом пытался спрятать простины и сам отдавал их прачке. Как будто прачка не была нашей собственностью! Этот мальчишка не заслуживал ни любви матери, ни имени отца! – восклицает Карнус, хватая еще один бокал у проходящего мимо розового. – Из этой истории стараются сделать трагедию всех времен и народов, но это не так. Просто закон естественного отбора.

– Юлиан, в отличие от тебя, был настоящим мужчиной, Карнус.

– Ой, ну-ка объясни, что ты имеешь в виду! – смеется Карнус, которого явно позабавили мои слова.

– В мире убийц добрым быть куда сложнее, чем злым. Хотя какое нам с тобой до этого дело – такие, как мы, просто проводят время в ожидании неминуемой гибели.

– И в твоем случае она не заставит себя ждать, – кивает на мое лезвие Карнус. – Жаль, что ты не воспитывался в нашем доме. Нас учат владеть лезвием раньше, чем читать. Отец приказал нам самим изготовить себе лезвия, дать им имена и спать с ними вместе. Возможно, тогда у тебя и были бы шансы...

– Интересно, а кем бы стал ты, если бы отец научил тебя чему-то еще?

– Я такой, какой есть, – отзывается Карнус, подхватывая с подноса очередной бокал. – И за тобой послали именно меня из всех братьев и сестер, потому что в этом деле я лучший.

– Почему? – спрашиваю вдруг я.

– Что – почему?

– У тебя есть все, о чем только можно мечтать, Карнус. Богатство. Власть. Семеро братьев и сестер. Двоюродных даже не знаю сколько... Племянники, племянницы... Отец и мать, которые любят тебя... Тем не менее ты здесь надираешься в одиночестве. По ходу пьесы убиваешь моих друзей. И смысл твоей жизни состоит в том, чтобы прикончить меня. Почему?

– Потому что ты нанес оскорбление моей семье. Никому не позволено оскорблять дом Беллона и оставаться в живых.

– Значит, все дело в гордости.

– А что у нас есть, кроме гордости?

– Гордость – лишь бесполезные крики, заглушаемые шумом ветра.

– Я умру, – тихо произносит он, качая головой. – Ты умрешь. Все мы умрем, и Вселенной нет до нас ровным счетом никакого дела. Что нам еще остается, кроме как пытаться перекричать ветер? Мы так живем. Идем по жизни. Стоим перед тем, как пасть. Вот видишь, в мире нет ничего ценного, кроме гордости, – говорит он, окидывая взглядом зал. – Гордости и женщин!

Оборачиваюсь в ту сторону, куда смотрит Карнус, и внезапно вижу ее.

На фоне золотого, белого и красного выделяется ее черный силуэт.словно темный призрака, она выплывает из лифта на опушке искусственного леса, закатывает сияющие глаза, презрительно искривляет губы в усмешке, заметив, как все с недоумением взирают на ее траурное платье. Черный цвет, цвет презрения ко всеобщему веселью золотых. Черный, как и надетая на мне военная форма. Вспоминаю тепло ее тела, озорные нотки в голосе, запах ямочки прямо под затылком, ее доброе сердце. Я настолько заворожен ее красотой, что не сразу замечаю ее кавалера.

А когда замечаю, думаю, что лучше мне этого не видеть.

Рядом с ней стоит Кассий.

Кассий, с его чертовыми золотыми локонами, обнимает за талию девушку, которая вышла меня той суровой зимой и которая помогла мне вспомнить о мечте Эо. Он что-то шепчет ей на ухо. Кассию Беллоне мало пронзить мечом мое тело, он решил еще и воткнуть кинжал мне в самое сердце.

Густые блестящие волосы, ямочка на подбородке, сильные руки, мощные плечи – его тело просто создано для войны, а лицо – для того, чтобы покорять сердца придворных дам. В довершение всего, на его форме знак восходящего солнца – знак Рыцаря Зари. Значит, слухи

оказались не напрасными. По залу проносится взволнованный шепот. Верховная правительница сделала его одним из двенадцати. Несмотря на то что я победил в училище, он поднялся еще выше, прорвавшись через Цепь Дуэлей на Луне, как и его славные предки. Я смотрел по видеосети, как он гордо стоит на Кровавой Арене, а у его ног лежит умирающий золотой соперник.

Но сейчас он – само очарование, на лице сияет белозубая улыбка. Мы с ним оба золотые, но он быстрее меня. Роста мы примерно одного, но он красивее и богаче. Смеется так искренне, что люди считают его добрее. Однако на его плечах не лежит такое бремя, как на моих. Почему он оказался достоин этой девушки, по сравнению с которой меркнут все, за исключением Эо? Разве она не знает, как он мелочен? Какое жестокое у него сердце?

Не могу подойти к ней, хотя мы стоим настолько близко друг от друга, что я слышу ее смех. Если она заметит меня, от моей решимости не останется и следа. Как она посмотрит на меня? Виновато? Смущенно? А может быть, ей вообще нет дела, что я увижу ее с Кассием? Или она сочтет мою попытку заговорить жалкой?

Как все-таки больно... Нет, Мустанг не стала бы специально соблазнять моего врага, она до такого не опустится. Если она с Кассием, то лишь потому, что он ей не безразличен. От этой мысли становится еще больнее.

– Вот видишь, – тяжело опускает мне на плечо руку Карнус, – никто по тебе скучать не станет!

Тяжесть в груди нарастает, и, не выдержав, я расталкиваю гостей и пробираюсь сквозь толпу к выходу. Спускаюсь на небольшом лифте. Мне хочется только одного – оказаться подальше от этих людей, единственный смысл жизни которых состоит в том, чтобы причинять друг другу боль. Иду вглубь леса, останавливаюсь на мосту, перекинутом через бурный ручей. Прислоняюсь к отполированным до блеска перилам, пытаюсь отдышаться и с каждым выдохом повторяю слова, кажущиеся мне заклинанием.

Мне не нужна Мустанг.

Мне противны все эти алчные существа.

Мне осточертела их борьба за власть.

Мне надоело отвечать за все в одиночку.

Я не смог стать хорошим мужем.

Я недостаточно хорош, и моя жена не захотела, чтобы я стал отцом нашего ребенка.

Я недостаточно хорош, чтобы быть золотым.

Теперь я недостаточно хорош и для Мустанга.

Я не смог выполнить свою миссию.

Не сумел вознестись на вершину.

Я не могу еще раз потерпеть поражение. Только не сейчас.

Дрожащей рукой беру кольцо. Нервы натянуты до предела, внутри полный раздраз. Подношу ледяной металл к губам. Просто скажи эти слова, и все будет кончено. «Разбей цепи». Одна фраза, и Виктра исчезнет. Кассий растает как дым. Августус расплавится. Карнус растворится. Мустанг погибнет. По всей Солнечной системе прогремят взрывы, и алые восстанут навстречу неизведанному будущему. Доверься Аресу. Просто поверь: он знает, что делает.

Разбей цепи!

Пытаюсь произнести последние слова, сказанные Эо перед тем, как ее повесили, но губы не слушаются. Я пытаюсь заставить их шевелиться, но, черт побери, безрезультатно! Потому что в глубине души я знаю, что это неправильно. Дело не в насилии, не в сочувствии к тем людям, которые должны погибнуть. Все дело в гневе.

Если я убью их, это никому ничего не докажет, не решит проблемы.

Неужели план Ареса и вправду таков?

Эо как-то сказала, что если я поднимусь с колен, то за мной последуют и другие. Но я этого так и не сделал, не выполнил ее просьбы. Я – не пример для подражания, а обычный наемник. Если я сдамся, если отдам ее мечту в руки другим людям, мне не будет оправдания. Арес не знал Эо. Никогда не видел, как горят ее глаза. А я видел! Любой ценой я должен построить тот мир, в котором она хотела бы растить нашего ребенка, – вот о чем она мечтала! Вот почему пошла на такую жертву – ради спасения остальных. Поэтому я не позволю другим решать мою судьбу, только не сейчас! Не стану верить Аресу, если это означает, что я должен предать Эо!

Если это означает, что я должен предать самого себя.

Вытерев слезы, ощущаю вместо гнева решимость. Должен быть другой способ! Я видел все недостатки Сообщества, я знаю, что нужно делать. Знаю, чего золотые боятся больше всего на свете. Вовсе не восстания алых. Не терактов или срежиссированных революций. Больше всего на свете золотые боятся простой, жестокой и старой, как само человечество, войны.

Гражданской войны.

Часть II

Перелом

Если ты лис, притворись зайцем. Если ты заяц, притворись лисом.
Лорн Аркос

12

Гибкая ива

Быстро возвращаюсь на церемонию.

Золотые уже расселись по местам, началась торжественная часть закрытия. Неуклюже наклоняюсь, нащупываю под столом медальон с Пегасом, убираю его в карман и поправляю мундир. Не обращаю внимания на недоуменные взгляды и быстрым шагом отхожу от стола Августуса в нужную мне сторону. Плиний шипит мне вслед, но я иду мимо. Он понятия не имеет, что я задумал. Плиний – из тех, кто придумывает правила игры, мне же привычнее их нарушать.

Пробираюсь между столами, за которыми собралась вся аристократия. Они следят за мной, словно за катящимся по склону горы камнем, но под их взглядами я лишь ускоряю шаг. Походка небрежна, руки напряжены, словно готовые к броску гадюки. За мной наблюдают тысячи глаз. Шепот становится все громче и следует за мной, словно шлейф, когда патриции наконец понимают, куда я направляюсь. Мой враг сидит за длинным столом в окружении своей семьи – идеальный золотой, внимательно слушающий речь верховной правительницы. Она что-то там проповедует о единстве, порядке и традиции. Остановить меня никто не пытается. Наверное, не понимают, что я делаю, а может быть, чувствуют мою силу и просто не решаются встать у меня на пути.

Около пятидесяти членов семьи Беллона замечают, что ропот вокруг нарастает, и все как один поворачиваются ко мне – одетому в черное человеку, несущему смерть. Молодо-зелено, на войне не бывал. Руки не обагрены кровью за пределами залов училища и астероидов Академии. Одни думают, что я – ненормальный, другие называют храбрецом. Сегодня я покажу им и то и другое. Верное решение далось мне с трудом, но теперь я ощущаю поразительную легкость. Скорость, говорю я себе, скорость! Не останавливаться, двигаться дальше! Не останавливаться!

Верховная правительница умолкает.

У меня нет пути назад. Только вперед.

Вперед, с улыбкой на губах.

В зале воцаряется мертвая тишина. Благодаря низкой гравитации я совершаю гигантский прыжок, метров на сорок, – прямо на стол, за которым сидят Беллона. Разбиваются тарелки, официанты бросаются врассыпную, Беллона отшатывается. Раздаются крики. Некоторые сидят неподвижно, глядя на пролитое вино. Верховная правительница в окружении своих верных фурий с любопытством наблюдает за мной. У Плиния такой вид, как будто он сейчас сдохнет. Сидящий рядом с ним Шакал смотрит на меня странным, непонятным взглядом, словно одинокий зверь в пустыне.

Сегодня я не стал надевать парадные туфли, отдав предпочтение тяжелым ботинкам на толстой подошве. Иду по столу Беллона, под моими ногами трещит фарфор, растекается пудинг, в стороны разлетаются стейки. Кровь бешено стучит в висках, адреналин опьяняет.

– Минуточку внимания, – громко произношу я, наступая на блюдо с горошком. – Возможно, вы знаете, кто я такой!

Кругом нервно смеются. Конечно знают. Беллона знают всех золотых, которые чего-то стоят, хотя обо мне ходит больше слухов, чем я того заслуживаю. Фурии что-то нашептывают на ухо верховной правительнице. Тактус ухмыляется до ушей. Карнус встревоженно подается вперед. Виктра улыбается Шакалу. Даже Антония толкает в бок высокого золотого красавца, чтобы тот обернулся. На Мустанга стараюсь не смотреть. Плиний что-то возбужденно говорит Августусу, но тот делает ему знак заткнуться.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.